

*Прежде, чем я
сломаться*

ПОРША МУР

ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ ■ КНИГИ О ЛЮБВИ

Серия: «Если я сломаюсь» (1,5 из 4, одни герои) Из последних шести лет своей жизни я помню лишь около половины. После дюжины врачей и тысяч в медицинских счетах мне, наконец, поставили диагноз – редкое неврологическое расстройство, заставляющее меня терять счёт времени. Иногда это часы, дни или даже недели без каких-либо воспоминаний. Хорошо, что прошло уже почти два года после последнего «провала». Так звучит гораздо лучше, чем то, как это называют доктора – «эпизоды», как будто моя жизнь – это дурацкая комедия. В течение этих двух лет нормальной жизни мне, наконец, удалось получить степень бакалавра, работу, которая мне нравится, и совсем недавно я сделал предложение женщине, которая прошла со мной через всё это. Впервые за долгое время всё идёт так, как и должно. Пока на пороге моего дома не появляется странная женщина, утверждающая, что я её муж, и я считаю её сумасшедшей. Но вдруг на мой телефон приходит голосовое сообщение. От парня по имени Кэл. Странность в том, что тем же именем меня назвала и та женщина. Но напугало меня то, что этот парень, Кэл... его голос звучал в точности, как мой.

•

Текст предназначен только для предварительного и ознакомительного чтения.

Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.

Любое коммерческое и иное использование материала кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей.

Порша Мур
«Прежде, чем я сломаюсь»

Оригинальное Название : *Before I Break by*
Порша Мур – «Прежде, чем я сломаюсь»
Серия: « Если я сломаюсь » (1,5 из 4)
Автор перевода: Анна Ш.
Редактор: Наташа К.
Вычитка: Настя З.
Оформление: Алёна Д.
Обложка: Александра В.
Перевод группы :
Аннотация

Из последних шести лет своей жизни я помню лишь около половины. После дюжины врачей и тысяч в медицинских счетах мне, наконец, поставили диагноз – редкое неврологическое расстройство, заставляющее меня терять счёт времени. Иногда это часы, дни или даже недели без каких-либо воспоминаний. Хорошо, что прошло уже почти два года после последнего «провала». Так звучит гораздо лучше, чем то, как это называют доктора – «эпизоды»,

как будто моя жизнь – это дурацкая комедия.

В течение этих двух лет нормальной жизни мне, наконец, удалось получить степень бакалавра, работу, которая мне нравится, и совсем недавно я сделал предложение женщине, которая прошла со мной через всё это. Впервые за долгое время всё идёт так, как и должно.

Пока на пороге моего дома не появляется странная женщина, утверждающая, что я её муж, и я считаю её сумасшедшей. Но вдруг на мой телефон приходит голосовое сообщение. От парня по имени Кэл. Странность в том, что тем же именем меня назвала и та женщина. Но напугало меня то, что этот парень, Кэл... его голос звучал в точности, как мой.

Глава 1

Крис

7 марта 2013 года

Тишина, абсолютная тишина. В мире нет ничего, что я ненавижу больше. Этот звук заполняет комнату, когда люди, с которыми ты разговариваешь, ищут, что сказать. Непросто подобрать *правильные* слова. Они знают, что, если говорить слишком быстро или не те слова, всё может измениться. Неверный ответ может перевернуть мир – ваш мир – вокруг своей оси. Я понимаю, почему мои родители так осторожны со словами. Слова меняют наши жизни, и не в лучшую сторону. Всё началось, когда я сказал им, что не помню, где был на прошлой неделе. В последний раз это случилось, когда они сказали мне: «Твоя мать больна».

В каждой ситуации возникала мёртвая тишина. Время останавливалось, и каждый пытался сообразить, как подобрать правильные слова.

Сейчас они снова молчат и просто шокировано смотрят на меня. Этого следовало ожидать. Наконец, мой отец выдавливает из себя улыбку, но мама остаётся невозмутимой. Её реакцию нельзя разобрать, и это меня беспокоит.

— Вот это да. Помолвлены? — отец первым нарушает молчание в комнате. Его глаза широко раскрыты, а в голосе слышится удивление.

— Что ты думаешь, мам? — спрашиваю я, потирая затылок. Мне казалось, она будет счастлива, ведь они с Дженной прекрасно ладят.

— Я... Крис, даже не знаю, что на это сказать, — она протяжно выдыхает, поднимается из-за обеденного стола, так и не посмотрев на меня, и скрывается в кухне.

Что это за способ поздравлять? Ни улыбки, ни слёз радости, ни единого вопроса? В глубине души я знал, что есть вероятность такой реакции, поэтому и не привёл с собой Дженну. Я ведь только что сказал матери, что женюсь, что выбрал женщину, с которой проведу остаток своей жизни, и которая была бы ей дочерью, которую та всегда хотела. А она ушла, будто я просто попросил принести мне сэндвич. Отец оборачивается и вздыхает, прежде чем снова улыбнуться.

— Ты удачно купил кольцо? — спрашивает он, пытаясь выразить как своё, так и мамино волнение. Мой отец всегда был классным специалистом по сделкам. Я бы взял его с собой покупать кольцо, если бы думал, что он будет рад этому.

— Думаю, да, — усмехаюсь я.

— Я взял с собой Лизу, — улыбаюсь я. В некотором роде это вызывает у меня гордость. Это одно из первых серьёзных решений, которое я сделал в своей жизни без их участия или влияния.

Лиза – мой лучший друг с детского сада, и она разбирается в украшениях как никто другой. Она знает своё дело, но не стала бы навязывать мне решение. И, хотя они не самые лучшие друзья, Дженне понравилось выбранное Лизой кольцо.

Отец подходит ко мне и заключает в медвежьи объятия.

— Что ж, поздравляю, сын.

Он похлопывает меня по плечу. Я как будто оказался в перевёрнутом мире. Мой отец взволнован, но принял эту новость. А мама выглядела так, будто я сказал ей, что бросил колледж.

— Спасибо, пап, — отвечаю я, всё ещё пребывая в замешательстве. Мама гремит кастрюлями на кухне.

— Она изменит своё мнение, — отец замечает мой взгляд, брошенный в сторону кухни.

— Не понимаю. Ей ведь нравится Дженна? — я почёсываю затылок.

Теперь я совсем запутался. Мне казалось, что она ей нравится, но такая реакция заставляет меня считать её хорошей актрисой.

— Конечно, сын, не то чтобы твоей маме не нравилась Дженна. Я действительно думаю, что это не имеет никакого отношения к ней.

Отец кивает головой в сторону гостиной. Я иду за ним туда. Мы садимся друг напротив друга на разных диванах.

— Тогда в чём же дело? Честно говоря, я думал, что расстроишься именно ты, — признаюсь я с суховатым смешком.

Моя мама сбежала от проблемы. Отец сразу высказался бы против, здесь и сейчас. Да, они действительно уравнивают друг друга.

— Я рад за тебя, сынок. Ты заслуживаешь этого. Ты заслуживаешь того, чтобы самостоятельно принимать важные решения в своей жизни, — говорит он с улыбкой на лице.

Похоже, он взволнован сильнее, чем я.

— Мама считает, что я пока не готов к этому, не так ли? — видимо, да. — Уже два года у меня не было провалов в памяти, всё идёт очень неплохо, — возражаю я, защищаясь.

Но правда в том, что мне каждое утро приходится убеждать самого себя в том, что я готов.

— Я знаю! Это именно то, что тебе нужно оставить в прошлом, чтобы двигаться в будущее, — ободряюще говорит отец. — *Твоё будущее*, — добавляет он с улыбкой.

Не знаю, чьё ещё будущее это может быть, но я буду надеяться на него до тех пор, пока один из родителей на моей стороне.

— Дженна и её родители всё ещё собираются прийти сегодня на ужин. Мне нужно поговорить с мамой. Дженна действительно расстроится, если решит, что та против.

Глубоко вздохнув, я встаю.

— А я пойду, возьму шампанское для сегодняшнего вечера.

Отец снимает с вешалки куртку.

— Я горжусь тобой, сын.

После чего выходит за дверь. Я недоверчиво качаю головой и направляюсь на кухню. «*Отец действительно рад этому?*» Никогда бы не подумал.

Оказавшись на кухне, я вижу, что мама достаёт миску с картофелем из раковины и ставит её на стол.

— Нужна помощь? — спрашиваю я, включая воду и начиная мыть руки.

Она улыбается мне.

— Давно ты не помогал мне на кухне, — говорит мама со смехом и даёт мне нож. — Я помню то время, когда ты был маленьким мальчиком. После того как ты заканчивал работать со старым движком, с которым отец разрешал тебе возиться, ты приходил сюда, измазанный в грязи и смазке, и просился помочь мне в готовке, — поддразнивает она, начиная чистить новую партию картофеля.

Я посмеиваюсь над этим воспоминанием. Я люблю обоих родителей и сделал бы всё, что угодно, для них. Когда я узнал, что у неё рак, для меня это было как удар под дых. Плохая шутка.

Раньше мои провалы в памяти были намного серьезнее, чем когда-либо. Чаще всего они

продолжались не днями, а неделями, иногда и месяцами. Я сходил с ума, сеансы не помогали. Лекарство вызывало депрессию. А потом у мамы обнаружили рак третьей стадии. Я думал, это самое худшее, что могло с нами произойти, но каким-то образом это было даже к лучшему. После этого мои провалы в памяти и головные боли практически пропали. Я встретил Дженну, которая помогла мне остаться в здравом уме в то время, когда я думал, что потеряю маму. И менее чем через восемь месяцев мама излечилась от рака.

— Мам, — произношу я тихо.

— Милый, я очень рада за тебя, — говорит она весёлым голосом, но мне слышится некоторая натянутость. Я беру её за плечи и поворачиваю к себе. Она вздыхает и обнимает меня.

— Скажи мне правду.

Мама всегда была сильной, несмотря ни на что. Были дни, когда я спрашивал, как у неё дела, хотя знал, что эти вопросы чертовски ей не нравятся, но она продолжала улыбаться и никогда не жаловалась. Мама никогда не давала понять, насколько ей больно.

Наши взгляды ненадолго встречаются, прежде чем она опускает глаза в пол.

— Пожалуйста, — прошу я снова, глядя на неё щенячьим взглядом, и она обнимает меня.

— Я хочу, чтобы ты был счастлив, Кристофер. Больше всего на свете я хочу этого, — говорит мама, и её голос срывается. Я чувствую, как слёзы увлажняют мою рубашку, и она отходит от меня.

— Мам, ты меня пугаешь, — усмехаюсь я, но моё сердце начинает стучать быстрее...

Мне казалось, она плакала от радости. Но у меня внутри всё сжимается, когда я понимаю причину. Я слегка обнимаю её, подвожу к кухонному столу и сажусь рядом. Взяв салфетку, она промокает глаза.

— Это не так. Ты ведь не больна, правда, мам? — спрашиваю я, страшась услышать ответ.

— О, нет, милый! Прости, что заставила тебя так думать.

Мама решительно качает головой. Я вздыхаю с облегчением, когда она сжимает мою руку.

— Я только... просто всё идёт так хорошо, и я знаю, что Дженна тебе дорога, — произносит она с едва заметной улыбкой, но пряча от меня глаза. — Ты готов? *Действительно* готов? — спрашивает мама, снова глядя на меня.

Её взгляд такой пронзительный, что кажется, будто она пытается заглянуть ко мне в душу.

— Я спрашивал себя об этом уже тысячу раз, мама, — отвечаю я со смехом. — Всё, о чём ты думаешь, я уже прокрутил у себя в голове по пять раз. Понимаешь, я не думаю, что наступит время, когда я буду знать, что излечился от этого. Даже если это и произойдёт, — говорю я честно.

Мама сжимает губы и кивает.

— Если не сейчас... то когда? Я устал бояться того, что может произойти, — добавляю я. — Я никогда не узнаю, прекратятся ли эти провалы в памяти. Но сейчас всё хорошо. Через несколько месяцев будет два года с момента последнего. Это был ад, но я, наконец, закончил школу. У меня потрясающая женщина, которая знает о моей болезни и не думает, что я странный или какой-то несчастный щенок, о котором нужно позаботиться. И ведь тебе уже лучше.

Наконец-то я вижу на её лице искреннюю улыбку, хотя в глазах ещё стоит влага.

— Я хочу жениться, может быть, подарить тебе внуков, — шутливо подталкиваю я её.

Мне казалось, это поднимет ей настроение, но нет.

Вместо этого она выглядит тоскливой, может быть, даже немного виноватой, но этого не может быть. Она не бросает на меня ни единого взгляда, когда встаёт из-за стола и начинает ходить по комнате.

— Мам, в чём дело? — я встаю и подхожу к ней. Что-то не так. Она, наконец, останавливается и смотрит на меня.

— Есть кое-что, что мы не... — она останавливается посреди фразы, когда мой отец входит в дверь с бутылкой шампанского в руке. С широкой улыбкой, он смотрит на охлаждённую бутылку. Когда его глаза встречаются с нашими, мужчина мрачнеет.

— Что происходит? — я смотрю сначала на неё, а потом на него. — Мам, что вы не...? — спрашиваю я снова, поглядывая на отца.

— Что мы не сделали? — вопрошает тот низким голосом.

Мама пристально смотрит на него, и снова возникает это неловкое молчание, напряжение настолько ощутимое, что я могу задохнуться.

— Что? — спрашиваю я более настойчиво, пресекая их переглядывание.

Они оба поворачиваются ко мне. Мама сразу отводит глаза, но отец продолжает смотреть на меня.

— Декстер-старший здесь, в Мэдисоне, — произносит он неожиданно.

Ужасный дед. Всякий раз, когда он приезжает сюда, для города это ничем хорошим не оборачивается. Он либо что-то закрывает, либо открывает, и это в любом случае разрушает чей-то бизнес. Многие здесь склонны забывать связь нашей семьи с семьёй Крестфилд, но их присутствие всегда служит напоминанием. Мама никогда его не любила, но чтобы расстроиться...

— И это всё, мам? И поэтому ты так расстроилась? — спрашиваю я с облегчением.

Однако интуиция подсказывает мне, что есть что-то ещё, особенно, когда я замечаю её сжатые губы.

— Гвен, на данный момент чьи-то чужие проблемы – это не наша забота. Это день Криса. Мы празднуем его решение жениться на женщине, которую он любит. Давай не будем всё портить, — уверенно говорит отец.

Что-то здесь не так.

— Мама, в чём, всё-таки, дело?

Я не верю, что приезд Декстера служит причиной такого напряжения. Мама переводит взгляд с меня на папу, а затем откашливается.

— До меня дошли слухи, что твой дедушка метит на собственность Крик Плейс, — вздыхает она.

Я сразу же хмурюсь. Крик Плейс – это общественный центр, в котором я и мама работали последний год. Он помогает людям не только в нашем, но и в соседних городах. В нём есть бесплатная клиника, спортивный зал и детский сад. Только монстр может подумать о том, чтобы закрыть его. Ведь центр важен. Я хотел сказать, что он не может этого сделать. Но Крестфилды способны практически на всё.

— Нет, это чушь!

— Это всего лишь слухи, но все мы знаем, как они возникают, — говорит отец, нахмурившись.

— Я слышала от дочери мисс Джабер, что Декстер-младший в городе. Её уже наняли в качестве одного из зрителей. А он вроде бы уезжает сегодня вечером, — бормочет мама.

Общественный центр помогал нам с мамой в самые трудные периоды жизни. Он опора общества.

Я смотрю на часы – ещё есть пара часов, прежде чем Дженна и её родители будут здесь.

— Я поговорю с ним до его отъезда, — говорю я. Беру ключи со стола. — Я вернусь домой и переоденусь до того, как приедет Дженна с родителями, — бросаю я через плечо и выхожу за дверь. Залезаю в пикап и направляюсь к единственному человеку, который может остановить всё прежде, чем оно начнётся.

К Декстеру-младшему.

Крестфилд. Одна лишь фамилия вызывает зависть, страх или гнев – зависит от того, с кем в Мэдисоне вы разговариваете. Им принадлежит почти полгорода, и они владеют всем самым крупным во всём округе. Проблем бы не было, если бы они постоянно жили здесь, но это не так. Это обычное расточительство – всё для шоу, этакий плюс к их театру, когда они приезжают в город, чтобы устроить ад.

Я слышал фразу: «Ничего личного. Бизнес есть бизнес».

Но разрушенные семьи и загубленные жизни – не обычное ведение дел. Игра с человеческими жизнями становится чем-то личным.

Однажды я приехал в поместье Крестфилд, и мне пришлось ждать у ворот, чтобы пройти через охрану. Когда я вошёл, то не мог избавиться от чувства отвращения ко всему этому. Здание и территория были огромны. Один только дом был в четыре раза больше, чем общественный центр. Никогда не пойму, как люди могут быть такими эгоистичными и жадными.

Я вылезая из машины и направляюсь к дому, когда звонит телефон. На моём лице возникает улыбка, когда я вижу, что это Дженна. Провожу пальцем по экрану, чтобы ответить.

— Привет, будущий муженёк, — хихикает она.

— Будущая жена, — усмехаюсь я, подыгрывая ей.

— Ну... Как твои родители восприняли новость? — спрашивает Дженна с нервозностью в голосе.

— Отлично. Они очень рады, — отвечаю я.

Отчасти это правда.

— Серьёзно? Даже твой папа? — спрашивает она недоверчиво.

— Он воспринял это даже лучше, чем мама, — отвечаю я, подходя к большим французским дверям. Я закатываю глаза при виде скрытой камеры над дверью, прежде чем позвонить.

— *Лучше*, чем мама? А что не так с твоей мамой? — задаёт вопрос Дженна, немного повысив голос.

Я тут же жалею о своих словах. Дженна улавливает почти всё. Она похожа на ищейку, когда кто-то что-то скрывает. Она хорошо разбирается в людях.

— Мама думает, что это замечательно, — говорю я, надеясь сбить её с толку.

— Ты сказал, что лучше, чем мама. Значит, она, скорее всего, восприняла эту новость не очень хорошо, — выпаливает Дженна. — Мне казалось, что я *нравлюсь* твоей маме. Она против? — по десятибалльной шкале её паника возросла с пяти до десяти.

— Нет, всё было совсем не так. Она просто очень удивилась, вот и всё, — вздыхаю я. Надо же было сказать «лучше». Вот, к чему приводит одно маленькое слово.

Большие двери открываются, и горничная Крестфилдов с тёплой улыбкой жестом приглашает меня войти. Я благодарю её ответной улыбкой и вхожу.

— Сегодня вечером я приду со своими родителями на ужин, а твоя мама абсолютно против нашей женитьбы. Это ужасно! — говорит Дженна. Её паника растёт с каждым словом.

— Дженна. Моя мама любит тебя. Она любит твоих родителей, ужин будет фантастическим, я тебе обещаю. Но сейчас мне нужно идти. Я тебе перезвоню. Люблю тебя, — говорю я и кладу трубку, несмотря на её протесты.

— Мистер Кристофер Скотт? — спрашивает меня горничная немного неуверенно. Я знаю её уже много лет, но она всегда задаёт этот вопрос, будто не уверена в том, кто я.

— Как поживаете, мисс Альма? — улыбаюсь я, пока она ведёт меня по большой винтовой лестнице наверх.

— Чудесно. Не желаете чего-нибудь выпить? — спрашивает горничная до того, как мы подходим к двери в кабинет Декса.

— Нет, благодарю, — отвечаю я.

— Мистер Кристофер Скотт, — объявляет она, когда мы входим в кабинет Декстера, хотя он уже видит меня.

— Мне всегда кажется, что я должен поклониться, или что-то в этом роде, — произношу я насмешливо.

Я замечаю, что мисс Альма скрывает смех за покашливанием.

— Кивок и немного любезности вполне сойдёт, — сухо отвечает он, почти не отрывая взгляд от монитора.

— Вам ещё что-нибудь нужно, мистер Крестфилд? — спрашивает горничная.

— Это всё. Спасибо, — отвечает тот.

— Рада была вас видеть, мистер Скотт, — говорит она, прежде чем выйти из комнаты.

— Я вас тоже, — отвечаю я, подходя к столу Декса.

— Что же привело тебя сюда, племянник? Давно тебя не было слышно, — произносит он.

Я слышу удивление в его голосе, когда он откидывается в своём большом кожаном кресле. Я не понимаю, почему он всегда напоминает мне о нашем родстве, но думаю, что если бы не оно, то меня бы здесь не было.

— Крик Плейс. Просто оставьте всё как есть. Вы, ребята, владеете половиной Соединённых Штатов. Вам действительно нужен центр? — говорю я раздражённо.

Парень усмехается.

— Почему бы тебе не присесть, Кристофер? — спрашивает он, указывая на один из стульев перед его столом.

— Мне и стоя неплохо, — отвечаю я.

Я не собираюсь садиться и трепаться с ним. Мне лишь нужно, чтобы он оставил Крик Плейс в покое.

Декс хмурится.

— Уверен, Гвен научила тебя лучшим манерам, чем эти. Когда хозяин дома предлагает тебе сесть, ты делаешь это. Особенно когда просишь его об услуге. Ты улыбаешься и удовлетворяешь просьбу, — говорит он самодовольно.

Я делаю глубокий вдох и сажусь.

— Итак, как у тебя дела? — спрашивает он так, будто мы лучшие друзья.

Мы в лучшем случае дальние родственники. Это не всегда было так. Десять лет назад, после смерти моей бабушки, Декса отправили в школу-интернат, и всё лучшее от родителей будто осталось в прошлом.

— Прекрасно, — коротко отвечаю я.

— Ты уже давно не посещал доктора Лайс, — произносит он обвиняющим тоном.

Я скрещиваю руки.

— Моя болезнь неврологическая, а не психологическая. Я не понимаю смысла моих походов туда.

— Она нейропсихиатр. Важно, чтобы ты виделся с ней, наряду с...

— Крик Плейс, Декс. Я здесь поэтому, — перебиваю я его.

Он отклонился от темы, а я не собираюсь проводить здесь весь день.

— Сначала мы обсудим это, — говорит парень спокойно, но в его голосе слышится раздражение, которое, я уверен, заставляет съёживаться его сотрудников.

Как хорошо, что я не работаю на него.

— Она одна из лучших в своей области. Ты проявляешь беспечность, игнорируя её опыт, — произносит он, а в его голосе слышатся нотки злости.

Я делаю глубокий вдох и подавляю желание послать его, сжимаю челюсть. Этот парень

способен выявлять в людях всё самое худшее.

— Твой отец показывает своё *невежество*, уничтожая памятник истории — место, где помогают многим людям. Что он собирается делать? Построить парковку?! — взрываюсь я.

Декс в изумлении откидывается на спинку кресла.

— Послушай. Это важно для многих людей здесь, включая и нашу семью. Прежде чем он начнёт что-то, можешь передать ему, чтобы он просто оставил всё, как есть, — говорю я, глубоко вздыхая.

— Ты же знаешь, если мой отец за что-то взялся, то это уже не просто начало, а свершившееся дело, — равнодушно отвечает он.

Я разочарованно складываю руки.

— Но... сейчас он этим не интересуется, — добавляет Декс беспечно.

Отлично, значит, я могу уходить.

— Ну, тогда, думаю, это всё, — проговариваю я, вставая.

— Тебя можно поздравить, не так ли? Надеюсь, мы получим приглашение на это грандиозное мероприятие, — произносит он прежде, чем я хотя бы отхожу от стула.

— Какое?

— Ты помолвлен с... Дженной Мэллори, — говорит он сухо.

Я пытаюсь скрыть удивление, ведь я сделал Дженне предложение только вчера. Я бы спросил, откуда он узнал, но на самом деле есть масса способов. У него, скорее всего, заключён договор на аренду с ювелирным магазином, где я покупал кольцо.

— Ты готов к этому шагу? — спрашивает Декс.

К счастью, это единственный человек, чьё мнение заботит меня меньше всего.

— Ну, раз ты всё знаешь, ответь себе сам, — отвечаю я с сарказмом.

Он ухмыляется и встаёт из-за стола.

— Брак и семья — лучшее, что может быть у людей, — произносит он, расхаживая вокруг стола.

Я скрещиваю руки на груди, думая, к чему он клонит.

Декстер всегда раздражал меня со времени своего отъезда. Он всего на три года старше меня, но всякий раз считает необходимым разговаривать, будто какой-то профессор из «Лиги плюща». (прим.: «Лига плюща» — объединение восьми старейших привилегированных учебных заведений на северо-востоке США: Корнельский университет в Итаке, университет Брауна в Провиденсе, Колумбийский университет в Нью-Йорке, Дартмутский колледж в Ганновере, Гарвардский университет в Кембридже, Принстонский университет в Принстоне, Пенсильванский университет в Филадельфии, Йельский университет в Нью-Хейвене).

— Иногда что-то происходит, и не всегда всё выходит так, как ты надеешься или планируешь, — в его голосе звучит намёк на сожаление. — Вот сегодня, например, я отдал бы всё, чтобы присутствовать на первом дне рождения своей крестницы.

Он берёт со стола рамку с фотографией и задумывается.

Интересно, какой отчаянный человек выбрал его крёстным. Безусловно, жадный до денег. Я знаю, что он не религиозен. Но и для обучения ребёнка таким ценностям, как честность, добросовестность и трудолюбие, он не идеальная кандидатура.

Декс переводит взгляд с фотографии на меня.

— Она красавица. Посмотри.

Он протягивает фотографию. Мне нет дела до этого человека, но отказаться взглянуть на фото его крестницы было бы свинством.

Я беру фотографию и невольно бросаю на неё взгляд. Женщина и маленькая девочка.

Женщина на снимке красивая, у неё длинные тёмные волосы и большие миндалевидные

глаза. Девочка на фото не слишком похожа на неё, она похожа на...

Фотография выпадает из моих рук, когда острая боль пронзает мою голову.

— А-а-а! — я хватаюсь за голову и держу её в руках.

Нет. Не сейчас. Не в кабинете Декстера.

— Кристофер, ты в порядке? — спрашивает Декс, направляясь ко мне.

Я пячусь в поисках стула, на котором сидел до этого. Сердце стучит в ушах. Уже даже и не помню, как давно у меня была такая головная боль, но никогда она не вспыхивала так резко и сильно.

Я начинаю стонать, сжимая голову. Декс что-то говорит, но его голос звучит будто издалека, когда в моих глазах начинает темнеть.

— Позвони моим родителям! — пытаюсь сказать я, но не уверен даже, что произношу это вообще, и в этот момент всё вокруг чернеет.

Глава 2

Мне холодно, но лицо тёплое... почти горячее. Веки тяжёлые, как кирпичи. Мне удаётся поднять их, когда я привыкаю к солнечному свету. Спина болит. Я потягиваюсь. Мне твёрдо и тесно. Приподнимаюсь и вижу, что лежу на заднем сидении своего пикапа.

«Как я тут оказался?» Обвожу взглядом машину в поисках телефона и бумажника. У меня должны быть ключи, иначе как бы я попал в автомобиль? Это плохо. Так не вовремя! Почему сейчас?

Я замечаю приклеенный на зеркало заднего вида конверт, на котором написано какое-то слово, которое я не могу разглядеть. Мои линзы высохли и прилипли к векам. Я протягиваю руку и беру конверт. Он тяжёлый и плотно закрыт, поэтому требуются небольшие усилия, чтобы открыть его. Я могу прочесть слово «Открой», написанное красными чернилами. Я делаю это и нахожу внутри свой бумажник, телефон и ключи. Мобильный разряжен. Боюсь даже предполагать, который сейчас час или даже день.

Я вылезая из пикапа и благодарю бога за то, что машина припаркована за домом моих родителей. Солнце яркое – надеюсь, сейчас середина дня. Это может означать, что я провёл в отключке лишь несколько часов. Но если сейчас утро, то мне конец.

Я подхожу к задней двери дома и поворачиваю ключ. Как же я сюда попал? «Думай, думай!» Но это бесполезно. Так происходило уже тысячу раз.

Я захожу на кухню. Она пустая, нельзя уловить даже запаха еды, и мой желудок сжимается. Это означает, что мама не готовит ужин. Что, в свою очередь, значит, что это не может быть тот же самый день, и я пропустил ужин с Дженной и её родителями. Она меня убьёт!

Я нахожу взглядом часы над столом в кухне. Сейчас половина десятого и уж точно не вечер. Я действительно облажался.

— Мам! Пап! — зову я.

Я бросаюсь в гостиную. Скорее всего, они ушли на мои поиски, когда я пропустил ужин. Это плохо, *очень* плохо. Все разговоры о том, что мне лучше, и мой двухлетний период без провалов пошли коту под хвост.

— Крис.

Я слышу лёгкий слабый голос, позвавший меня сзади. Обернувшись, вижу Лизу, сидящую на диване. Я даже не заметил её. Из меня выходит вздох облегчения. Я рад, что из всех людей именно Лиза оказалась первой, кто меня увидел. Она расскажет мне, что произошло, пока меня не было, и не будет нервничать или злиться на меня.

— Прости, что нет приветственной делегации получше. Твои родители заставили меня

ездить по округе всю ночь в поисках тебя. Они отправились снова рано утром и попросили меня остаться здесь на случай, если ты вернёшься, — объясняет она.

— Насколько сильно я всё испортил? — вздыхаю я и сажусь рядом с ней.

— С родителями — на пять по десятибалльной шкале. Они беспокоились о тебе больше, чем о чём-либо. А с Дженной — на двенадцать.

Я откидываю голову назад на диван.

— Уф. Как долго? — стону я.

«Из всех дней это случилось...»

— Твоя мама сказала, что ты ушёл вчера в три часа. Ты по-прежнему ничего не помнишь? — спрашивает девушка, начиная складывать одеяло, которым была накрыта.

Она неожиданно спокойна. Ну, не неожиданно. Лиза всегда достаточно спокойна и расслаблена, даже в самых напряжённых ситуациях. Но когда она злится, то может достаточно быстро перейти от нуля до десяти.

— Последнее, что я точно помню, это как разговаривал с родителями о том, что сделал предложение Дженне. После этого всё как в тумане, — признаю я.

— Послушай. Иди, прими душ и приведи себя в порядок. Позвони Дженне и извинись так, как будто от этого зависит твоя жизнь, — вздыхает девушка. — Но главное в том, что если вы, ребята, собираетесь быть вместе, то ей придётся привыкнуть к этому. Она же идёт не в слепую в этом плане. Ей известно о твоём состоянии, — просто говорит Лиза.

Хотел бы я, чтобы так просто всё и было.

— Легче сказать, чем сделать. Её родители приехали сюда из Сиэтла, а жених не появился. Многообещающее начало помолвки. Её отец и без того терпеть меня не может.

Лиза поворачивается ко мне.

— Она любит тебя и смирится с этим. Не очень-то похоже, будто ты сбежал от неё, чтобы напиться со стриптизёршами или вроде того, — говорит она, глядя меня по плечу. — Не так ли? — ухмыляется она.

— Нет! — я выпучиваю глаза.

Готов поспорить, именно это она и подумала.

— Ты не понимаешь шуток, Крис. Иди, прими душ. Ты ужасно выглядишь. Я позвоню твоим родителям и невесте и скажу им, что ты цел и невредим, — говорит Лиза и подталкивает меня к лестнице. — Дай мне свой телефон, я заряджу его. Иди и приведи себя в порядок. У тебя будет намного больше шансов, если в поисках прощения ты согласишься на неё своими зелёными глазами без корочек и сопутствующего утреннего запаха изо рта, — шутит она.

В душе я отмываю тело, но мой разум ещё затуманен. Я потерял восемнадцать часов. Неплохо, учитывая, что некоторые провалы в памяти длились неделями, но сейчас это совсем не вовремя. Если бы я мог вспомнить хоть что-нибудь. Какую-нибудь зацепку, которая подскажет, как я оказался спящим в машине на заднем дворе. Почему я не мог просто пойти в кровать? А потом этот странный конверт на зеркале, как будто я знал, что не найду его, будь он в другом месте. Это значит, что я должен был иметь какое-то сознание, или со мной кто-то был. Но куда они делись? Если кто-то хотел ограбить меня, они не оставили бы бумажник и машину.

Снизу доносятся голоса. Оба принадлежат женщинам. Мой желудок сжимается. Один из них, должно быть, принадлежит Дженне. Она будет в бешенстве.

— Послушай, дай ему передохнуть. Ты не думаешь, что он и так чувствует себя паршиво?

Я слышу голос Лизы, спускаясь вниз.

— Не говори мне, как вести себя или что чувствовать. Ты не единственная, кто сидел здесь несколько часов с родителями, ожидая своего жениха, выглядя при этом полной дурой, —

кричала Дженна.

— Мне жаль, но ты же знаешь, что у него неврологическое заболевание, не так ли? Ты ведёшь себя так, словно он сделал это специально! — парирует Лиза.

Дженна начинает что-то отвечать, но они обе замолкают, увидев меня.

— Привет, — выдыхаю я, подходя к Дженне.

На ней большие круглые чёрные солнцезащитные очки, а руки скрещены на груди.

— Значит, ты живой, — резко заявляет она.

Лиза фыркает.

— Я должна свалить отсюда, — девушка начинает уходить, но оборачивается и делает реверанс. — Королева Дженна, может, было бы замечательно вместо того, чтобы срываться на парне, обнять его, блин, — говорит она, прежде чем выйти из столовой.

— Прекрасного дня, Лиза! — с сарказмом выкрикивает Дженна и переключает внимание на меня.

Она снимает очки, и от того, что я вижу, моё сердце разрывается. Её глаза опухли. Я понимаю, что она плакала.

— Так, ты думаешь, что я веду себя, как стерва? Что не имею права злиться? Что я просто эгоистичная, злая, капризная невеста?

— Дженна, мне жаль.

Я пытаюсь её обнять, но она меня отталкивает. Дженна садится и закрывает лицо.

— Что случилось, Крис? — спрашивает она.

Я действительно хотел бы дать ей ответ.

— Я... я не знаю. Я помню, как говорил родителям, что мы помолвлены, а потом ничего, — признаюсь я, сидя в кресле напротив неё.

— Ты помнишь, что разговаривал со мной, так ведь? — спрашивает она резко.

Качаю головой. Я не помню, как говорил с ней после разговора с родителями.

— Да, ты сказал мне, что твоя мама не в восторге от того, что мы собираемся пожениться, а затем повесил трубку, — говорит она зло.

Я знаю, что не сказал бы ей об этом. По крайней мере, вряд ли использовал бы такие слова.

— Я сказал тебе, где находился? — спрашиваю я в замешательстве.

— Нет. Ты торопился закончить разговор со мной и сказал, что перезвонишь через несколько минут. Но вот мои родители у меня дома, а ты до сих пор не перезвонил. Потом мы стоим у вашей двери, а твои родители понятия не имеют, где ты. Это было *так* весело. Мой отец, *безусловно*, в восторге, — говорит она повышенным тоном, когда раздаётся звонок в дверь.

— Я думал, что добился большего успеха, Дженна. Я никогда бы не втянул тебя в это, если бы знал, что всё начнётся снова.

Я встаю и хватаюсь в отчаянии за голову. Ни одна женщина в здравом уме не захочет иметь с этим дело. И я не хочу иметь с этим дело. Дженна вздыхает.

— Никуда ты меня не втягиваешь, Крис. Прости. Я знаю, это тяжело и для тебя. Просто, мм, не самое удачное время, правда?

Она смеётся и обнимает меня своими тонкими руками за талию. Я обнимаю её в ответ и вдыхаю её аромат. Девушка пахнет ягодами вперемешку с лёгким запахом сигаретного дыма. Я отступаю от неё.

— Да ладно, Дженна. Я думал, ты завязала с этим, — говорю я разочарованно.

Она не курила последние три месяца после моих невинных подколов и ворчания. Когда у мамы диагностировали рак, я обвинил в этом курение.

— Ну да, я заслужила одну сигарету после вчерашнего, — говорит Дженна, защищаясь.

Не могу не согласиться. Дверной звонок звонит вновь, а после раздаётся бешеный стук.

— Кто это, чёрт возьми? — задаёт вопрос Дженна.

— Я не знаю.

У родителей есть ключи, а Лиза вошла бы через заднюю дверь.

— Давай я открою, — произношу я.

У меня как будто камень с души свалился. Дженна злится, но всё ещё со мной.

Я открываю дверь и вижу женщину, спускающуюся по лестнице.

— Я могу вам помочь? — спрашиваю я.

Она вроде как спотыкается и хватается за перила. Я инстинктивно делаю шаг вперёд. Может, она не в себе. Женщина что-то говорит, но в противоположную от меня сторону. Её голос тихий, и я едва слышу её. Она оборачивается, и её взгляд цепляется за меня.

У неё блестящие ореховые глаза миндалевидной формы. Её пристальный взгляд божественен, словно наваждение, не дающее мне уйти. Из-за них мне кажется, что я встречал её раньше или даже всегда знал, но это невозможно. Она не из тех, кого я бы забыл. Слишком красива, чтобы забыть.

Возможно, я видел её в кино, или она была в шоу, которые я смотрел ребёнком. Она выросла, и поэтому я не могу вспомнить её. Должно быть. Наверное, она актриса, чья машина остановилась в нашем маленьком городке, и ей нужно поменять колесо или что-то ещё. Но это не объясняет её слёз. А теперь она прикасается к моему лицу, а я застываю на месте, как замороженный, не в состоянии двигаться. Я приказываю своим ногам сделать шаг назад, но они не слушаются меня.

— Это ты, — произносит она, бросаясь меня обнимать.

Ветер бросает её длинные тёмные волосы мне в лицо. Я украдкой смотрю на неё, и, несмотря на заплаканное лицо, на нём читается узнавание. Она знает меня, или думает так. С каждой минутой я волнуюсь всё больше. Она обнимает меня так крепко, что я могу чувствовать биение её сердца. Оно практически выпрыгивает из её груди. Чёрт, возможно, это моё сердце. Это случайная, хоть и красивая, женщина плачет и обнимает меня, пока моя невеста меньше, чем в паре шагов отсюда, а я не могу двинуться. А самое ужасное, что мой мозг не связан с телом, потому что мои руки принимают обнимать её, ну, пытаются. Но этого точно не случится!

Я всегда готов помочь женщине в беде, но, если Дженна найдёт меня здесь, обнимающего девушку, особенно после вчерашнего, мне конец. Но так много времени требуется, чтобы остановить собственные руки. Меня буквально трясёт, или, может быть, это её дрожь передаётся мне. Прежде чем я успеваю открыть рот, чтобы спросить, кто она, за моей спиной раздаются шаги.

— Я так сильно скучала по тебе, — говорит Кареглазка, сжимая меня сильнее.

— Крис, кто это?

От голоса Дженны у меня по спине пробегают мурашки, а девушка отпускает меня. Она поднимает на меня глаза, эйфория на её лице сменяется замешательством.

— Крис? — она отходит от меня, переключая своё внимание на Дженну. — Крис? Его имя не Крис!

Её голос резкий и немного пугающий. Она переводит взгляд на меня, её внешняя уязвимость исчезает. Теперь в её глазах горит огонь. Дженна подходит ближе, более спокойная, чем я ожидал от неё.

— Я... я не знаю! — быстро отвечаю я.

Снова я пытаюсь двинуться, но моё чёртово тело не слушается. Я не могу отойти от этой девушки.

— Кто я? Кто *ты*? — спрашивает она, повысив голос, и через секунду смотрит на меня.

Я могу поклясться, что вот-вот получу от неё хук справа. Мне начинает казаться, что эта женщина с глазами ангела и ростом не выше пяти футов и трёх дюймов может быть просто сумасшедшей, но мои проклятые ноги не дают уйти от неё. (*Прим.: 5 футов 3 дюйма — 160 см*).

— Что? — кричит она со злостью, но недоверие в её голосе и отчаяние в глазах заставляют моё сердце разрываться. Не знаю, кем она меня считает, но если это уберёт боль в её глазах, то я буду тем, кем она захочет.

«Что со мной не так?»

— Кажется, вы меня с кем-то перепутали, — говорю я ей нерешительно.

Я поворачиваюсь к Дженне. Спокойствие, которое удивило меня до этого, внезапно сменяется на злость, которую я и ждал.

— Она начала плакать, когда увидела меня, — пытаюсь объяснить я.

— Что за чертовщину ты несёшь?! — говорит девушка громко, но слабым голосом, почти умоляя.

В груди становится тяжело, будто на ней кто-то стоит. Я пытаюсь контролировать дыхание. Не хватало только, чтобы Дженна подумала о том, чего не было.

— Не похоже, что она перепутала тебя с кем-то! — зло произносит Дженна, не отводя глаз от женщины.

— Кэл, к чему ты, чёрт подери, клонишь? — выкрикивает девушка.

Я оглядываюсь на неё. По крайней мере, огонь в глазах вернулся. Мои ноги, наконец, в состоянии двигаться.

— Меня зовут Крис, — говорю я ей, направляясь к Дженне, злость, которой, кажется, поутихла, поскольку эта девушка, похоже, ищет парня по имени Кэл.

Это всё, должно быть, просто одно большое недоразумение.

— Послушайте, кто вы? — спрашивает Дженна.

Сейчас она кажется больше раздражённой, чем злой.

— Я его жена, вот кто я. А ты кто такая?! — фыркает маленькая брюнетка, и от этих слов я будто оказываюсь в аду, в полном смысле этого слова.

Я боюсь даже взглянуть на Дженну, но та начинает смеяться. Она сошла с ума. Я стою между двумя психопатками.

— О, я поняла. Это шутка. Здорово, Крис. Хотя на минуту я даже повелась, но ты же знаешь, что я вижу насквозь твои розыгрыши.

Девушка шлёпает меня по груди. Тогда я понимаю, что это, *должно быть*, шутка, розыгрыш, организованный Лизой. Я вздыхаю с облегчением, но другая женщина на крыльце пребывает в ярости. Её ноздри раздуваются, глаза широко открыты, и если бы это был фильм ужасов, то сейчас её голова начала бы вращаться, или она бы подожгла дом.

— Разве похоже, что я шучу? — спрашивает она напряжённо, а в её глазах стоят слёзы.

Эта женщина слишком хороша, чтобы быть Лизе по карману.

— Кэл, скажи ей! — требует она.

Боюсь, эта шутка выходит из-под контроля.

— Меня зовут не Кэл.

У меня скоро будет приступ паники, прямо здесь. Мне посчастливилось никогда не испытывать такого, но я совершенно уверен, что ощущения именно такие.

— Крис, кто она? — вопит Дженна.

Никто уже и не думает, что это розыгрыш.

— Дженна, я впервые в жизни вижу эту женщину! — кричу я.

— Ты скотина!

Брюнетка толкает меня. Если бы она не была такой маленькой, то я налетел бы на дверь.

— Ты не знаешь, кто я?

Не знаю, что делать. Я стараюсь не дотрагиваться до неё, но Дженна смотрит на меня так, будто собирается толкнуть меня следующей, если я ничего не предприму.

— Ну, а кто дал мне это?

Слава богу, она останавливается. Но потом она начинает доставать что-то из пиджака и бросает это в меня. Что бы это ни было, Дженна подбирает предмет и осматривает его. *О, нет, пожалуйста, пусть это будет не то, чем кажется.*

— Крис, это же обручальное кольцо! — кричит она, поднося его к моему лицу.

Дженна должна хорошо знать, что кольцо не от меня. Оно выглядит так, будто стоит больше, чем я зарабатываю за год.

— Я никогда не видел его раньше! Я никогда в жизни не видел её!

— Крис, не лги мне! — кричит Дженна, а потом начинает плакать.

Я никогда до этого не видел её плачущей.

— Она даже имени моего не знает! — я кричу, чтобы заставить её услышать меня.

Это безумие. Как она могла подумать, что я могу быть *женат* на ком-то другом? Это незаконно, ведь я только что сделал ей предложение. Дженна всё ещё пялится на кольцо. Я хватаю её за руку.

— Дженна, я клянусь тебе. Я понятия не имею, о чём она сейчас говорит, — я пытаюсь сказать это спокойно, и теперь другая женщина истерически смеётся.

— И кто, чёрт возьми, она тебе? Так вот, почему ты ушёл? *Из-за неё ты меня бросил?! —* хватает меня Кареглазка.

— Он мой жених! — кричит на неё Дженна.

— Как, чёрт побери, он может жениться на тебе, когда он всё ещё женат на мне?! — вопит та.

Теперь я в бешенстве. Это не игра или шутка. Эта чушь, которую она несёт, может разрушить мою жизнь.

— Я тебя даже не знаю! Кто ты? Откуда ты меня знаешь? — спрашиваю я её, не скрывая злость.

— Всё это время — *всё это время!* — ты врал мне, и сейчас... Сейчас ты делаешь вид, как будто даже не знаешь, кто я! — она истерически рыдает, и я сразу жалею, что накричал на неё.

Я чувствую, как у меня начинается тупая головная боль, но этого не случится сейчас. У меня не будет сейчас провала в памяти!

Она спускается с крыльца. Медленно, но спускается. Я хочу сказать ей не садиться за руль в таком состоянии. Но лучше всего ей быть отсюда как можно дальше, чтобы я мог спасти положение.

— Я хочу развестись! Не хочу больше тебя видеть! Не смей больше никогда снова приближаться ко мне или к Кэйлен! Я пришлю твоё барахло через Декстера. Чёрта с два оно останется в моём доме! — орёт девушка.

О, нет. *«Как, чёрт подери, она может знать Декстера?»*

— Откуда она знает Декстера? Откуда, мать твою, она знает Декстера, Крис? — теперь на меня кричит Дженна.

— Я не знаю, Дженна! Это, должно быть, шутка!

И теперь я единственный, кто смеётся. Мне больше ничего не остаётся, кроме как смеяться. Моя жизнь рушится, и я не знаю, что за хрень происходит вокруг.

— Шутка! Я шут?! Ты думаешь, разрушить мою жизнь было дурацкой шуткой? — кричит женщина, приближаясь теперь ко мне.

Она бросается на меня всем своим весом, её движения неистовы и беспорядочны. Она

размахивает кулаками у моего лица, и мне приходится схватить её, чтобы остановить, потому что иначе она может нанести серьёзный вред.

— Убери от него руки! — кричит Дженна и пытается оттащить её от меня, но мне не требуется помощь.

Девушка в ярости, но практически ничего не весит.

Я хватаю её за талию, чтобы поднять и отнести на другую сторону крыльца. Когда я теряю контроль над её руками, она наносит сильный удар прямо по лицу Дженны, и та падает. Я опускаю брюнетку, чтобы попытаться помочь Дженне, но та встаёт и спешит к брюнетке. Я хватаю её, чтобы предотвратить то, что должно стать дракой. Дженна пытается дотянуться через меня и умудряется схватить кареглазку за волосы. Мне удаётся высвободить её пальцы, но при этом я получаю несколько ударов локтем. После попытки управлять обеими женщинами я подхватываю Дженну и отношу её на другую сторону крыльца. Дверь моего дома открывается, и я как никогда рад видеть своего отца, пусть даже брюнетка уже успокоилась.

— Что происходит? — спрашивает отец озадаченно.

— Эта психопатка напала на нас! — кричит Дженна, наконец, успокоившись в моих руках при виде моего папы.

— Это тебя не касается! Это касается только меня и моего мужа! — резко произносит брюнетка, переводя дыхание.

— Что?! — зло спрашивает её отец.

— Скажи ей, па. Она мне не верит! — прошу я.

Кто-нибудь разбудит меня от этого кошмара? Брюнетка медленно уходит с нашего крыльца, но кажется, держится на ногах неустойчиво. Она вот-вот может потерять сознание, я подбегаю и ловлю её прямо перед тем, как та падает. Я подхватываю её, пока отец смотрит на меня с неодобрением, а глаза Дженны метают в меня кинжалы. А что мне было делать? Дать ей упасть?

На крыльцо выходит мама, присоединяясь к этому цирку.

— Что происходит? — спрашивает она испуганно.

— Хотела бы я знать! — Дженна горько смеётся.

Мама подходит ко мне и смотрит на девушку в моих руках. У неё перехватывает дыхание.

— Лорен?

Она смотрит на женщину, потерявшую сознание у меня на руках. Когда к ней приходит узнавание, её глаза расширяются, будто она видит призрака. Её губа начинает дрожать, а рука быстро дёргается, чтобы прикрыть рот.

— Ты знаешь её?

— Вы знаете её?

Спрашиваем мы с Дженной в один голос.

Мама смотрит на каждого из нас.

Отец резко вздыхает и закрывает лицо.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — его стоны усиливаются с каждым ругательным словом, и я знаю, что-то не так.

— Милый, иди, положи её в гостиной и отвези Дженну домой. Когда ты вернёшься, нам действительно нужно будет кое-что тебе рассказать, — говорит она со слезами на глазах.

— Я никуда не поеду! Кто, чёрт возьми, эта женщина, и откуда вы её знаете? — визжит Дженна.

— Дженна, успокойся, — говорю я ей.

Я знаю, она рассержена и растеряна. Как и я, но я не позволю ей кричать маме в лицо.

— Не собираюсь! Кто это? Она объявилась со словами, что замужем за тобой, и кольцом, которое стоит чертовски больше, чем то, которое ты подарил мне! Ты утверждаешь, что не

знаешь её, но она знает Декстера. Твоя мать, безусловно, знает её, и ты думаешь, что я отправлюсь домой, как заблудший ребёнок. Я хочу немедленно знать, кто эта женщина, или, клянусь Богом, что никогда больше не буду разговаривать с тобой, Кристофер! — говорит Дженна, и слёзы текут по её щекам.

— Дженна, пожалуйста! — рявкает отец.

Нас всех поражает шок, особенно Дженну. В этот раз властный голос моего отца напоминает мне Крестфилда.

— Пожалуйста, пусть Крис отвезёт тебя домой. Это не то, что ты думаешь. Я обещаю, вы оба получите ответы к концу дня, просто дай нам всё сейчас уладить, — его голос становится более спокойным, но отнюдь не менее авторитетным.

Дженна переводит взгляд на меня, и я киваю ей. Я не представляю, что происходит, но знаю Дженну, и, оставшись здесь, я сделаю только хуже. Кроме того, мне действительно не хочется быть здесь, когда эта девушка очнётся.

Отец подходит и тянется к женщине, лежащей у меня на руках. Я хочу передать её, но моё тело колеблется, и я прихожу в смятение, не понимая, почему оберегаю ту, которую даже никогда не видел, тем более от отца. Я бы доверил ему свою жизнь. Мама смотрит мне в глаза и обнадёживающе сжимает моё плечо.

— Всё в порядке. С нами она в безопасности, — говорит она, глядя мне прямо в глаза.

— Ох, ДА ЧТОБ МЕНЯ, — кричит Дженна, и я представляю, как это выглядит. Я вообще не понимаю, что происходит. И передаю девушку отцу, но, пока я это делаю, Дженна сбегает с крыльца и направляется к своей машине.

— Дженна, — кричу я, побежав за ней следом.

Она оглядывается и вытягивает руку.

— Нет. Ты остаёшься! Совершенно очевидно, что именно волнует тебя прямо сейчас! — говорит она, нервно открывая дверь своей машины.

— Дженна, нет! Всё совсем не так! — умоляю я, когда девушка захлопывает дверь перед моим носом.

Я пытаюсь её открыть, но та заблокирована. Дженна опускает стекло.

— Держись от меня подальше, Крис. Иди, займись своей женой! — выкрикивает она, прежде чем выехать на дорогу.

Я пинаю ногой землю и наношу удар кулаком по воздуху. Моя жизнь превратилась в сущий ад. Я поднимаю глаза. Мой папа возвращается в дом, а мама стоит на крыльце и смотрит на меня со слезами на глазах.

— Откуда ты её знаешь, мам? — кричу теперь я.

Я знаю, это не её вина, но она что-то знает. Я так зол, и в моих глазах сейчас тоже слёзы.

— Кристофер, — просит она.

— Скажи мне! — кричу я снова.

— Крис.

Отец вновь появляется на пороге и спускается ко мне.

— Езжай за своей невестой. Мы объясним всё позже, — произносит он.

Его голос спокоен, когда он протягивает мне телефон и ключи, игнорируя моё недоумение. Он берёт маму за руку и уводит её в дом.

Я в сумеречной зоне. *«Каким образом он сейчас успокоился?»* Но у меня нет времени спрашивать. Я запрыгиваю в пикап, готовый ехать за Дженной, но хлопаю руками по рулю. Она не станет слушать ничего из того, что я попытаюсь сказать, пока у меня не будет объяснения всему этому. (прим. пер.: «Сумеречная зона» – довольно популярный сериал американского режиссёра Рода Серлинга, где каждая серия фильма представляет собой коктейль из драмы,

детектива, фантастики, с элементами ужасов, а также неожиданной развязкой).

Я вытаскиваю телефон, чтобы позвонить ей. Вижу все пропущенные со вчерашнего дня звонки от Дженны, родителей и Лизы. Есть и голосовые сообщения с их номеров, плюс с одного неизвестного. Я нажимаю на строку оповещения, чтобы прослушать сообщение с незнакомого номера. Сначала слышно только сплошные помехи и ветер. Потом начинается сообщение.

«Ты действительно, мать твою, более туповат, чем я думал. Все эти годы ты по-прежнему считал, что у тебя провалы в памяти?! У меня мало времени, поэтому перейду сразу к делу. Ты не можешь жениться, потому что ты уже женат, тупица. Поговори с Декстером. Исправь всё, или мне придётся сделать это за тебя. Держись подальше от любых алтарей, — голос усмехается. — Это никакая не игра слов. Если ты этого не сделаешь, тебе не поздоровится. Можешь в этом не сомневаться. О, и кстати, поскольку всем глубоко наплевать, сообщаю тебе: я — Кэл».

Я включаю сообщение снова и снова. Мои руки не перестают трястись. И самое странное то, что за сегодняшний день я второй раз слышу имя Кэл. Но что действительно меня ужасает — голос в сообщении принадлежит мне.

Глава 3

Это шутка. Какая-то непонятная, запутанная и странная шутка. Я ударяю телефоном по рулю, когда автоответчик Декстера включается в тысячный раз. Кого я разозлил, чтобы заслужить такое? Я всю жизнь пытался делать правильные вещи: слушал родителей, относился к людям с уважением, следовал правилам — а закончилось это психологическим расстройством, вызывающим у меня провалы в памяти.

Теперь, после всего, что сегодня произошло, я услышал в своём телефоне этот голос, этого засранца, который добавил ещё миллион вопросов к той сотне, что была у меня до прослушивания сообщения.

«Как может этот человек звучать так же, как я?» Кого я обманываю, он не просто звучит, как я, это и есть я. Но как? Это невозможно. Почему я называл себя Кэлом? Я не могу быть им. Хуже всего то, что именно сегодня появилась эта девушка, утверждая, что я её муж по имени Кэл. Я боюсь складывать всё вместе.

«Исправь всё, или мне придётся сделать это за тебя!»

Что, чёрт возьми, этот парень о себе возомнил, чтобы угрожать мне? Почему я угрожаю самому себе? Это не может быть реальным. Может, это не мой голос. Я хочу побежать обратно в дом и дать родителям прослушать сообщение, но та девушка всё ещё там. Я точно не могу сделать это сейчас. И с чего бы мне, чтобы исправить это, говорить с Декстером, а не с родителями? Я набираю номер Дженны и молюсь, чтобы она ответила. Если кто и сможет сказать, что это не мой голос, то только она.

— Больше не звони мне, Крис! — кричит она на меня.

— Дженна, мне очень нужно увидеть тебя, — прошу я.

— О, я тебе нужна? А что насчёт жены, о которой ты так беспокоился? Той, которую ты якобы не знаешь? — с сарказмом говорит та.

Я начинаю ещё раз обдумывать то, чтобы дать ей прослушать это сообщение.

— Дженна. Мне страшно, — перебиваю я.

Я всегда был честным с ней и надеюсь, что это что-нибудь да значит. Следует долгая пауза.

— Я на углу четвёртой и Хиггинс, — произносит она и вешает трубку.

Четвёртая и Хиггинс всего в трёх минутах отсюда. Обычно я не гоняю, но сегодня исключительный случай. Я вижу её машину, припаркованную прямо на углу. Выхожу и подхожу со стороны водителя.

— Можно я сяду? — спрашиваю её.

Хмурый взгляд, которым она меня награждает, отвечает на мой вопрос. Я пытаюсь придумать, как лучше перейти к сообщению. Чтобы объяснить ей, что я не знаю, почему этот голос звучит, как мой, и что на самом деле это говорит о том, что я понятия не имею, о чём оно. И мне действительно нужна её помощь, чтобы разобраться в этом.

— Ну? Ты действительно меня нервируешь! — говорит она, глядя на меня снизу вверх.

Я знаю, нет таких слов, что могут подготовить её к тому, что она вот-вот услышит. Я надеюсь только, что Дженна скажет, что это не я. И если я действительно оптимистично настроен, то она скажет, что мы разберёмся во всём вместе. Я делаю глубокий вдох, включаю сообщение и наблюдаю, как злое выражение её лица сменяется на шокированное.

— Какого чёрта, Крис?! — произносит она со злостью.

Всё внутри сжимается. Этот разговор пошёл не так, как я надеялся.

— Это хреновая шутка? — орёт она на меня.

— Дженна, это же не я, — говорю я безнадежно.

Однако, похоже, что я, но этого не может быть...

— Чушь! Уверена на все сто, что голос звучит как твой! Как мог... Почему ты это делаешь? — она начинает плакать.

— Это не я, Дженна. Я не представляю, как такое возможно, но это не я, — умоляю я её. — Зачем мне так поступать, Дженна? Зачем? — говорю я ей, когда она закрывает окно.

Я просовываю руку, чтобы не дать ему закрыться полностью.

— Что я должна сказать на это? — вопит Дженна.

— Я не знаю, — произношу я обессилено.

— Помоги мне разобраться с этим, ты нужна мне, — прошу я.

— Ты говоришь, что это не ты, но голос чертовски похож на твой. Ты говоришь... в сообщении ты говоришь, что, мать твою, женат, притом сразу после того, как появляется эта сумасшедшая и утверждает, что является твоей женой. Я уже начинаю думать, что, быть может, это ты сумасшедший, а она вменяема, чёрт возьми! — говорит она напряжённым голосом.

— Если бы я лгал, то с чего бы давал тебе это прослушать, Дженна? — отвечаю я ей.

Она начинает яростно трясти головой. Дженна всегда имела аналитический склад ума, и ей удавалось разбираться в любой ерунде. Она может сказать, врёт ли кто-то прежде, чем этот человек откроет рот, но сейчас она не может сделать ничего подобного.

— Давай подумаем вместе, Дженна. Какие разумные объяснения этому есть? Ты же в юридической школе. Ты всегда полагаешься на факты, так ведь? Какие здесь факты?

Я в отчаянии обхватываю одной рукой затылок, всё ещё держа другую на окне машины, поскольку до сих пор не уверен, что Дженна не уедет, если я её уберу. Она вздыхает.

— Садись, Крис, — говорит она, признавая поражение.

Я немедленно делаю это, но она не бросает на меня ни единого взгляда.

— Дай мне посмотреть телефон, — произносит она, выдыхая.

Я передаю его ей и ещё раз прокручиваю сообщение. Теперь на её лице читается стойкость. Она проигрывает запись снова и снова, и каждый раз это заставляет меня съёживаться.

— Это твой голос, но он действительно звучит иначе. Тон, интонация, фразы – всё не так. Ты почти никогда не клянёшься.

Она снова вздыхает и потирает виски.

— Я не понимаю ничего из того, что он говорит, — говорю я, ссылаясь на голос, как на другого человека, потому что это точно не я.

Нет, никогда в жизни.

— Насчёт него. Должно быть. Он представился под конец звонка. Он самодоволен и высокомерен, потому что ему известно больше, чем тебе. Но недостаток у тебя информации доставил ему проблемы.

— Почему он говорит, что я женат? Почему его вообще волнует, что мы собираемся пожениться? Я не знаю этого парня.

Я плотно сжимаю руки. Она кладёт голову на руль, а через несколько секунд резко поднимает её. Она, наконец, смотрит на меня с мучительным выражением на лице.

— Что? — спрашиваю я, боясь услышать то, что она вот-вот скажет.

— Потому что он – это ты, — произносит она тихо.

— Дженна, это не я.

— Да, это ты. Всё как раз сходится.

К ней приходит осознание всего.

— Появление этой женщины, то, что твоя мама знает её, твои родители... — она вздыхает.

— Нет, это не я! — кричу я сердито.

— Что, если эти провалы в памяти не просто провалы? Что, если тут что-то другое? Что, если ты в сознании и делаешь вещи, которые не помнишь, но как другой человек?

— Нет. Это невозможно, — я качаю головой.

Не может быть. Это не может быть возможным.

— Это имеет смысл, — говорит Дженна резко.

— Как? Как я мог сделать это так, чтобы никто ничего не узнал? — возражаю я.

— Ну, очевидно, кто-то да знает. Декстер, например. Голос сказал тебе поговорить с ним и... — она неуверенно останавливается.

— Что? — спрашиваю я.

— Твои родители должны знать, — произносит девушка осторожно, вытирая глаза.

— Нет! Не может быть! Мои родители не стали бы скрывать от меня такое. Этого не может быть. Спасибо, Дженна, но нет. Этому должно быть другое объяснение.

Я вылезаю из машины. *Нет, невозможно.*

— Подумай об этом, Крис! Как твоя мама узнала, кем была та женщина? — кричит она мне вслед, выходит из машины и следует за мной.

— Почему тогда они сказали тебе, что всё объяснят? Если они не знают, что происходит, то, каким образом смогут всё объяснить?!

В горле начинает жечь, и во мне развивается паника. Я поворачиваюсь к ней лицом.

— Если это так – если ты права – ты понимаешь, что это значит? — кричу я, чтобы избавиться от отчаяния.

Безнадёжность. Мне нехорошо. Меня до сих пор не вырвало лишь потому, что она, должно быть, права. Но она практически никогда не ошибается.

— Ты думаешь, я в восторге от этого? — кричит она на меня в ответ. — Ты думаешь, я хочу оказаться права? Что я не желаю, чтобы это было каким-то возмутительным недоразумением, ошибкой, что тебя с кем-то перепутали?

Её голос срывается. Она закрывает лицо и отворачивается.

— Если это правда, то ты, чёрт возьми, женат, Крис! Я не хочу, чтобы это было правдой! Я никогда в жизни не хотела так ошибаться... Но мне так не кажется.

Дженна делает глубокий вдох.

— Твои родители, — стонет она, — если я права, и они знают... — она демонстративно качает головой. — Как они могли так поступить? Как они могли не сказать тебе?

У Дженны истерика, и я хватаю её в свои объятия. Она выглядит именно так, как чувствую себя я: злой, растерянной и безумной. Нельзя, чтобы она видела, что мне так же страшно, как и ей, даже больше. Потому что если всё это правда, то моя жизнь уже *никогда* не будет прежней.

Я провожу Дженну до её дома, чтобы убедиться, что она добралась до него в целости и сохранности. Она выходит из своей машины и подходит к моей.

— Ты уверен, что не хочешь, чтобы я пошла с тобой? — спрашивает она тихо.

Я киваю. На самом деле хочу, но не знаю, что услышу, а она не умеет держать эмоции под контролем так хорошо, как я.

— Я позвоню тебе, как только закончу разговаривать с ними, — отвечаю я, изо всех сил стараясь улыбаться.

Она наклоняется и целует меня, но не в губы, а прямо рядом с ними. Даже не знаю, что думать об этом. Мой мозг слишком устал, чтобы анализировать это.

Как только девушка закрывает за собой дверь, я давлу на газ и направляюсь к своему дому. В голове крутится так много вещей. Голос назвался Кэлом. Какое отношение ко всему этому имеет Декстер? Версия Дженны. Мои родители. Девушка, которую мама назвала Лорен, которая, если Дженна права, является... Я даже не буду думать о том, что это значит.

Проезжая по нашей улице, я замечаю белую Ауди, припаркованную напротив нашего дома. Я не заметил её раньше, но сейчас её трудно пропустить. Должно быть, это машина девушки, а это значит, что она всё ещё здесь. У меня внутри всё сжимается. Я подгоняю машину к задней части дома. Паркуюсь на своём обычном месте и прохожу через кухню, убеждаясь, что вокруг никого.

— Я хочу поговорить с Кэлом. Прямо сейчас!

Я слышу её крик. Внутри всё падает, и я подхожу ближе к двери, чтобы можно было слышать.

— Он не хочет меня видеть? Вред уже причинён! Я только... Он должен мне всё объяснить!

Я слышу приближающиеся шаги и отхожу от двери.

— Лорен, пожалуйста, успокойся, — слышу я, как произносит мама, и звук шагов прекращается.

— Вы знаете моё имя?

Я слышу вопрос девушки. Она кажется такой же удивлённой, как и я. Она *не знает* моих родителей.

— Мы знаем, кто ты. Ты жена Кэла, — слышу я слова отца.

У меня сжимается горло. *Откуда они знают этого парня, Кэла?* Моё сердце начинает биться всё быстрее и быстрее, но я знаю, этому есть разумное объяснение. Должно быть.

— Он говорил обо мне? Тогда почему он ведёт себя так, будто не знает меня? Это из-за той женщины на улице? Извините, я не знаю, кто... Он никогда о вас не говорил. Он... Он... — её голос прерывается, а я нахожусь так близко к двери, насколько могу, не заходя внутрь.

— Он не знает, кто ты. Человек, которого ты видела раньше, не был Кэлом, — говорит мама, а я перестаю задерживать дыхание и выдыхаю.

Скрученный в узел желудок, наконец, расслабляется. Я ничего не могу поделать с широкой

улыбкой, появляющейся на моём лице, когда испытываю чувство облегчения.

— Я не понимаю... Нет, это был Кэл. Я знаю это. Это должно быть так, — говорит девушка решительно.

Она так уверена в этом, что мне становится её жаль. Я не знаю, кто этот Кэл, или как она могла переживать так сильно за парня, который кажется последним идиотом...

— Вы хотите сказать, что... он брат Кэла? Он близнец Кэла?

Почему мы с Дженной не додумались до этого? Это бы поставило всё на свои места. Может быть, у меня есть близнец или просто брат, который похож на меня. Я ничего не знаю о своих биологических родителях. Это вполне возможно, но сообщение... Оно не совсем вписывается, если только он не издевается надо мной, но зачем?

— Да, — отвечает папа.

— Уильям, нет. Больше никакой лжи. Она заслуживает знать правду. Мы же договорились, что скажем ей, — решительно говорит моя мама, и у меня начинает болеть живот, а в ушах слышится стук сердца.

«Ты не можешь жениться, потому что ты уже женат... Поскольку всем глубоко наплевать, сообщаю тебе: я – Кэл».

Я слышу голоса, но не могу различить, кто что говорит. Сжимаю виски и заставляю себя сосредоточиться. Это единственное, что доктор Лайс говорила мне пытаться делать, чтобы предотвратить отключку. В прошлом году у меня получалось всё лучше.

— ... Я понимаю, он использовал меня... Он никогда не любил меня, — заявляет девушка перед тем, как заплакать.

Я что-то пропустил. Прикладываю ухо к двери.

— Ох, милая, ты всё не так поняла, — отвечает мама, и я не понимаю, что пропустил.

— Крис и Кэл делят одно и то же тело, но тот, кого ты встретила сегодня – это Крис, не Кэл. Это причина, по которой он отреагировал именно так. Он действительно не знает, кто ты. Кэл представляет собой отдельную от Криса личность...

Мне сейчас станет плохо.

Мне кажется, меня стошнит прямо здесь и сейчас.

— У Криса так называемое диссоциативное расстройство личности, — говорит мама, и на этот раз я услышал достаточно.

У меня кружится голова. Я добираюсь до кухонного стола. Кажется, будто комната становится меньше. Мне сдавливает грудную клетку.

— Вы, вы оба лжёте для него. Вы прикрываете его! — кричит девушка.

— Мы говорим тебе правду. Крис не знает, кто ты. Он не знает, что делает Кэл, — слышу я мамин голос.

Я больше не вынесу. *«Нет. Нет. Нет!»*

Я выскакиваю из кухни на заднее крыльцо, и всё содержимое желудка, всё, что я в последний раз ел, выходит из меня прямо через перила. Я на улице, но воздуха мне не хватает. *«Я Кэл».*

Пробую перевести дыхание и вытереть горячие слёзы, бегущие из глаз. Всё это время. Ни единого намёка. Я думал, что у меня простая амнезия, недиагностируемое неврологическое нарушение. Это всё было ложью. Моя жизнь – ложь, или часть её. Как же это возможно? Как могло что-то подобное произойти на самом деле? Почему же они ввали мне? Как они могли так поступить? Два года! Два года со мной этого не случалось. Ну, не считая вчерашнего дня.

Я наконец-то получил степень бакалавра, обручился, устроился на постоянную работу, и они позволили мне всё это сделать, зная, что этот ненормальный живёт внутри меня. Но на самом деле это я ненормальный, я сумасшедший. Я – псих.

Достаю телефон и снова прослушиваю сообщение, а затем швыряю трубку через всё поле. «Что это ещё за парень?» Почему я не имею даже представления обо всём этом? Почему он знает больше, чем я?

Я пинаю землю. На самом деле мне нужно что-нибудь ударить или даже сломать. Я чувствую себя разбитым и сейчас, почти сам того не осознавая, плачу.

Я не плакал с тех пор, как узнал, что у мамы рак. Тогда я почувствовал себя беспомощным, и сейчас это чувство вернулось. Всё, к чему я стремился, кажется бессмысленным. Я оглядываюсь на дом и думаю о девушке внутри. Как я мог жениться на ней? Я даже не знаю, кто она. Что я ей скажу? А Дженне? Я не могу жениться на ней, пока женат на ком-то ещё, и если я не вылечусь... От этого вообще есть лекарство? Когда этот парень, Кэл, появится в следующий раз? Я вспоминаю вчерашний день и содрогаюсь. Это было тогда. Он появился... и позвонил мне. Он, кто он? Я, так? Нет, этим парнем не могу быть я. Я не похож на него. Я сижу на крыльце, моя голова между коленей. «Что же мне делать? Как мне объяснить это людям? Как же мне... как я смогу жить с этим?» Мои родители не верят, что я смогу. Они бы сказали мне, если бы думали об обратном.

Диссоциативное расстройство личности. Да какого хрена это вообще значит? Это также может быть и «живущая внутри тебя болезнь». Я делаю глубокий вдох и возвращаюсь в дом. За дверью всё ещё слышны крики, но я игнорирую их. Направляюсь вверх по лестнице в свою комнату. Щелчком открываю ноутбук, запускаю поисковую систему и сосредотачиваюсь на экране. Сажусь и закрываю лицо дрожащими ладонями. Как только я это сделаю, пути назад уже не будет. Но его и так уже нет.

Я ввожу «диссоциативное расстройство личности» в строку поиска и нажимаю кнопку «Enter». Один миллион восемьдесят тысяч результатов. Ого. Я прокручиваю страницу вниз и щёлкаю на то, что похоже на самую официальную ссылку.

«Диссоциативное расстройство идентичности (или личности), ранее именуемое множественным расстройством личности – это диссоциативное расстройство, связанное с нарушением идентичности, при котором два или более отдельных и различных личностных состояния (или идентичности) контролируют поведение человека в разное время. Находясь под контролем одной личности, человек обычно не в состоянии вспомнить те события, которые произошли в то время, пока ситуацию контролировали другие личности. Различные идентичности, называемые воплощениями, могут проявлять различия в речи, манерах, взглядах, мыслях и сексуальной ориентации. Воплощения могут даже иметь физические различия, такие как аллергии, праворукость или леворукость, или необходимость в выписывании очков. Эти различия между воплощениями часто весьма поразительны».

Я пялюсь на экран, принимая во внимание всю информацию. Можно было бы подумать, что знание того, что со мной не так, наконец, развяжет мне руки. Но это ужасно, потому что делает всё реальным. Читая об этом уже полчаса, я так и не увидел ничего о возможном лекарстве. Лечение, терапия, что-то об объединении, что не имеет ни малейшего смысла. Но, видимо, мне повезло, что есть только одно... «альтер-эго». Вот, чем является Кэл, «альтер-эго». Думаю, могло бы быть и хуже, Кэл мог быть и женщиной, и сегодня появился бы мой муж... Я подумал о его сообщении и о том, как он пошутил об этом, зная, что я понятия не имею, о чём он говорит. Этот парень – козёл. Надеюсь, он единственный, но кто знает? Я стараюсь не думать о том, что всё это значит. Это как будто появилось на пороге моего дома этим утром в прямом смысле слова.

Голова весит тонну. Я хочу проснуться, убежать от этого, если бы только это был кошмар. Моя жизнь окончательно свернула на дорогу, ведущую прямоком в ад, за считанные минуты. Интересно, кто ещё знал и видел, как я вслепую продолжаю свою жизнь, не зная правды. Декстер, очевидно, но настоящим предательством стала ложь родителей. Я никогда не доверял

ему, но им... Как они могли сделать такое?

Я слышу визг шин на улице и вижу отъезжающую белую Ауди. Она уехала. Может, это к лучшему. Она вообще понятия не имеет, что происходит. Этот парень, Кэл, поймел нас обоих. Если бы я был на её месте, то ушёл бы и оставил весь этот бардак позади. Если то, что я о нём думаю, хоть в чём-то соответствует правде, то ей повезло. Её ничего не связывает с этим беспорядком, но в таком случае Дженна тоже должна уйти.

Она не привязана ко мне. Мы всего лишь помолвлены.

«Мы помолвлены? Можно ли вообще обручиться, будучи женатым на ком-то другом?»

Женат. Я женат? Нет, это Кэл женат. Это звучит даже более нелепо, чем то, что я женат. Я... Кэл, или Кэл – это я? Это неудачное математическое уравнение. Как возможно, что у него были отношения, ему удалось обручиться и даже жениться, пока всё это происходило? Я должен хоть что-то помнить о ней. Ну да, вроде, но ничего конкретного, никаких воспоминаний, только знакомство...

Эмоции, которые нахлынули на ту девушку, когда она увидела меня. Она смотрела на меня так, будто я – её мир. Она была подавлена, а я не знал, кто она. У него не могло быть столько времени, чтобы построить такие отношения. Как у него получилось наладить столь тесную связь с кем-то, когда он мог исчезнуть в любой момент? Они не могли быть влюблены.

«Исправь всё, или мне придётся сделать это за тебя».

И кто он такой, чтобы угрожать мне? Как я должен исправить это? Я даже ничего не знал об этом до сегодняшнего дня. Это он разрушил мою жизнь! Самое паршивое во всём этом то, что я не могу ничего сделать. Я бессилен. Как я могу жениться на Дженне, не зная, когда появится этот парень? Я ничего о нём не знаю. Как я могу принимать всерьёз его угрозы? Что, если в один прекрасный день я женюсь на Дженне, а на следующий проснусь уже тем парнем? Она не заслуживает такого.

Заглядываю под кровать и вытаскиваю календари, которые я хранил до того, как мои провалы в памяти прекратились два года назад, в них я начал отслеживать время, которое потерял. У меня четыре важных книги. Две тысячи восьмой, две тысячи девятый, две тысячи десятый, две тысячи одиннадцатый. Я записывал, сколько дней не помнил. Я просмотрел их все, считая. Двенадцать дней в одном месяце, шестнадцать — в другом. Семь, десять, восемнадцать, двадцать два. Я посчитал их все вместе, из четырёх лет я помнил, что делал, семьсот пятьдесят дней. Чуть больше половины всего времени. Чертовски много времени для этого Кэла, чтобы причинить моей жизни много вреда... И построить свою собственную.

В горле начинается жжение, распространяясь на грудь. Я хватаю календари, начинаю их рвать и швырять через всю комнату. На глаза попадают фотографии с родителями, с Дженной и с друзьями, сделанные на протяжении этих лет. Их я тоже хватаю и бросаю. Это не моя жизнь. Как это может быть моей жизнью, если она мне не принадлежит? Когда кто-то может забрать её в любую секунду, не дав мне сказать и слова?

— Кристофер, — произносит мама, на её лице читается ужас, когда она стоит в дверном проёме и смотрит на меня посреди всего этого беспорядка в комнате.

Мне вот-вот исполнится двадцать восемь лет, а я всё ещё живу в доме своих родителей. Я поднимаю взгляд на неё, она частично закрывает руками лицо. Вскоре к ней присоединяется папа и глубоко вздыхает.

— Сынок, что случилось? — спрашивает он осторожно, словно боясь услышать ответ.

Я зло смеюсь.

— Диссоциативное расстройство личности, — отвечаю я язвительно и наблюдаю, как выражение их лиц меняется с шокированного на виноватое.

— Мы можем объяснить. Пойдём, пойдём вниз, и мы сможем поговорить об этом, —

говорит папа.

— О чём здесь говорить? Какая хреновая у меня жизнь? Что я делю её с каким-то мудаком, а вы скрывали это от меня?

— Не выражайся так при нас! — говорит отец вроде бы обиженно.

— Почему нет, пап? Это слишком похоже на Кэла? — кричу я на них.

У него не было проблем с использованием ругательств в оставленном мне сообщении.

— Сынок, мы знаем, что ты расстроен, — вставляет мама.

— Расстроен, но это не объясняет всего. Моя жизнь была ложью, у меня нет жизни!

— У тебя есть жизнь. Ты, ты настоящий человек. А он...

— Правда? Ведь у него есть жена. Я абсолютно уверен, что у него есть друзья и дом. По крайней мере, он знает, что происходит, и, по его словам, я гублю его жизнь. Он знает обо всём чертовски намного больше, чем я! — кричу я, и воцаряется тишина. — Как вы могли не сказать мне о том, что происходит? — произношу я, моя злость превращается в отчаяние.

— Мы думали, что защищаем тебя. Мы не хотели взваливать это на тебя.

— Ха, а как, по-вашему, я чувствую себя сейчас? — смеюсь я пренебрежительно.

— Нам очень жаль, Кристофер, — говорит мама, из её глаз катятся слёзы.

Она держала их до этого момента.

— Мы думали, что будет только хуже, — произносит папа попутно.

Соккрытие того факта, что у меня внутри есть другой человек, было вполне обыденным. Своего рода доктор Джекил и мистер Хайд.

(прим.: Доктор Джекил и мистер Хайд – персонажи фантастической повести английского писателя Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Добропорядочный доктор Джекил создаёт своего двойника, наделяет его всеми своими дурными качествами и таким образом освобождается от них. Но этот двойник – мистер Хайд – начинает жить самостоятельно и, руководствуясь всеми тёмными сторонами души доктора Джекила, совершает немало низменных поступков и даже убийство).

— Как?! Как вы могли подумать, что так будет лучше? Как вы могли подумать, что для меня лучше было не знать о том, что этот козёл бегают, вешает людям лапшу на уши и женится?! — спрашиваю я, с недоверием смеясь.

Они выглядят ошарашенными.

— Вы позволили мне думать, что у меня провалы в памяти и амнезия, нормальный побочный эффект придуманного неврологического нарушения. Как вы могли так со мной поступить? — говорю я громче, как будто они меня не слышат.

— Мы собирались тебе рассказать, — наконец отвечает папа.

— Когда? Потому что это явно происходит уже несколько лет. Почему сейчас? О, потому что меня могли бы арестовать за многожёнство? — кричу я.

— Довольно! — произносит отец властным голосом.

Моя грудь вздымается, но я пытаюсь успокоиться, слёзы на мамином лице и слабый шёпот из её прикрытого рта разбивают мне сердце.

— Даже на минуту не смей подумать, что это было для нас легко. Думаешь, мы не хотели сказать тебе? Думаешь, мы не хотели, чтобы этот парень исчез? Поверь, с ним не очень весело иметь дело! День, когда мы встретились с ним, был одним из самых худших в нашей жизни, — говорит папа суровым, но одновременно мягким голосом. — Решение ничего тебе не говорить стало одним из самых сложных, которые мы когда-либо принимали. Мы думали, что делаем то, что лучше для тебя. Сейчас мы ясно видим, что ошибались, — продолжает он.

— Ты должен знать, что мы сделали это не для того, чтобы навредить или умышленно обмануть тебя. Ты должен знать это, Крис. Мы с твоим папой думали, что легче тебе будет не

знать, пока мы не поймём, как для тебя лучше, чтобы справиться с этим. Мы не знали, что произойдёт, если мы тебе скажем... — объясняет робко мама.

— Мы не могли знать, какая польза будет от того, что мы скажем, — вставляет папа.

— Врачи прямым текстом сказали нам, что лекарства нет. Интенсивная терапия могла сделать вас с этим парнем *единым целым*. Поверь мне, он не тот, с кем нужно быть единым. Зачем говорить тебе, если мы ничего не могли бы поделать с этим? Это бы только заставило тебя волноваться и быть в напряжении, — говорит отец, оправдываясь.

— Когда ты вернулся после того, как мне поставили диагноз, мы собирались сказать тебе. К тому времени мы знали о Лорен и видели, что Кэл делает вещи, которые в конечном счёте отразились бы на тебе, — вздыхает мама.

— Но ты был таким сильным ради меня, пока я болела. Слишком сильным. Со временем дела пошли лучше у нас обоих, как мы полагали. Мы надеялись, что, возможно, *проблемы* больше не было, — говорит мама, её голос приходит в норму.

— Всё шло так хорошо. Мы были эгоистами, наслаждаясь нормальной жизнью, — говорит отец.

— Когда вчера ты сказал, что женишься на Дженне, мы знали, что нужно что-то сказать. Мы лишь пытались найти подходящий способ, — добавляет мама.

Я глубоко вздыхаю и поднимаю голову. Я знаю, что они не имели злого умысла. Знаю, что за всё это время им тоже пришлось пройти через ад. Я сажусь на кровать и обхватываю голову руками.

— Что же мне делать? Куда идти дальше? — спрашиваю я людей, которые помогали мне принимать все главные решения в моей жизни.

Мама глубоко вздыхает.

— Есть... есть ещё кое-что, что нам нужно сказать тебе, сынок, — неохотно произносит мама.

— Тебе нужно ещё выпить.

Лиза наливает ещё порцию водки в мой стакан, и я выпиваю её, прежде чем закончить историю. Комната ещё не начала кружиться, но вот моя голова...

— Верно. Когда я подумал, что хуже быть уже не может, они говорят мне, что этот козёл не только женился на ком-то, но и сделал ей ребёнка, что делает отцом *меня*.

Я начинаю смеяться, уставившись в пустой стакан. Обычно я много не пью, но перед тем, как поведать ей эту историю, я сказал, чтобы она для начала вытащила бутылку. Её глаза расширились ещё больше, чем тогда, когда я начал историю своей жизни за прошедшие сутки.

— Вау, я собиралась сказать, что это твой последний стакан, но, думаю, виски не помешает, — произносит она и исчезает за барной стойкой.

Подруга наполняет мой пустой стакан коричневой жидкостью из бутылки, которую отец достаёт по особым случаям... Я поднимаю его с ощущением широкой глупой улыбки на лице.

— За то, что я отец! — произношу я с иронией, и Лиза хохочет.

— Ты отец! — говорит она с поддельным воодушевлением.

Мы смеёмся и чокаемся нашими стаканами. Преимущество алкоголя в том, что всё хреновое в твоей жизни кажется смешным. Жжение от виски в пять раз хуже, чем от водки. Обычно я пью только одно или два пива, но с каждым выпитым глотком приходит ощущение, как будто все проблемы, которые появились сегодня, исчезают.

— Хотела бы я... оказаться там, чтобы увидеть выражение лица Дженны, когда появилась твоя жена, — говорит Лиза с усмешкой.

Я мотаю головой. Мне бы хотелось, чтобы они лучше ладили, ведь она мой лучший друг и

всё такое, но сейчас это наименьшая из моих проблем.

— Она не моя жена... Наверное... — начинаю оправдываться я.

— Формально, ты и этот парень, Кэл — один и тот же человек, — шепчет она так, словно сообщает мне секрет. — И это делает её твоей женой.

Она хлопает меня по плечу. Я хмуро смотрю на неё.

— Однако, хорошая новость в том, что завтра у тебя будет слишком тяжёлое похмелье, чтобы беспокоиться об этих вещах.

Она хихикает, и вдруг моё тело словно тяжелеет на тонну. Ещё секунду назад я сидел вертикально на диване, а теперь или это я лежу, или комната повернулась боком.

— А что насчёт послезавтра?

Я чувствую, как язык начинает заплетаться.

— Спроси трезвую Лизу. Пьяная Лиза собирается спать.

Девушка хихикает, слезая с дивана, и идёт выключить свет перед тем, как завалиться в свою комнату. Я поворачиваюсь на спину и наблюдаю за вращением потолочного вентилятора. Он крутится так быстро, что я могу поклясться, что раньше он был коричневым, но сейчас кажется чёрным. Осматриваюсь — больше я уже не на диване Лизы, а на огромной кровати с чёрными простынями. Уже день, и солнце светит мне в лицо. Я тяну руки в стороны и чувствую тёплую кожу. Посмотрев вниз, вижу, что одна из них на бёдрах, едва прикрытых простынёй. Мои глаза следуют вверх по телу, и я застываю, увидев лицо девушки, которое уже встречал раньше. Её глаза всё ещё закрыты, но розовые пухлые губы уже расплываются в соблазнительной улыбке.

— *Останься со мной,* — мурлычет она мне в ухо, её рука скользит по моей голой ноге.

Вот чёрт! Я пытаюсь двинуться, но не могу. Её глаза до сих пор закрыты, но теперь она забирается на меня сверху.

— *Я сделаю так, что это будет стоить твоего времени,* — мурлычет она мне в ухо.

От неё так приятно пахнет, она начинает целовать меня в шею, когда её рука берёт мой...

— Кристофер, вставай!

Мои глаза открываются, рядом с диваном, где, как я смутно помню, уснул, стоит папа. «*Это всё мне только приснилось?*» А казалось более реальным, чем любой сон, который я когда-либо видел. Я всё ещё ощущаю её губы на мне, запах её волос, какой тёплой была её кожа.

Я пытаюсь сесть, но земное притяжение как будто придавливает мою голову прямо к дивану. Ох, моему желудку кажется, что я на американских горках.

— Ты думаешь, что, напившись, решишь все свои проблемы?

Голос отца громкий, бьёт по голове, будто молотком. Отец обхватывает меня рукой и поднимает, помогая сесть.

— Где я? — спрашиваю неуверенно.

Я действительно не имею ни малейшего представления об этом, пока не узнаю это уродливое покрывало, сделанное Лизой в старшей школе, и понимаю, что по-прежнему нахожусь у неё дома.

— Ох, моя голова, — стону я.

Отец силой всучивает мне чашку кофе.

— То, что ты делаешь, вряд ли поможет тебе найти ответ, — угрюмо произносит он.

Я подношу чашку ко рту, но, прежде чем делаю хоть глоток, меня начинает тошнить от запаха, и я ставлю её.

— Мы в очень скверной ситуации. Это конец света? Нет? Но если ты станешь жалким пьяницей, то так и случится, — говорит он резко. — И, нравится нам это или нет, ты теперь отец, и нам придётся решить проблему с этой женщиной. Чем раньше, тем лучше.

Он не может думать, что я могу говорить с ним о своём положении или планах на жизнь в

любом состоянии.

— Я просто хочу спать, — бормочу я, ставлю кофе на пол и ложусь обратно на диван.

— Я не знаю, какой у тебя план, но если ты всё ещё помолвлен с Дженной или хотя бы планируешь это, то я советую тебе встать и вернуться домой. Уверен, она будет не слишком рада узнать, что из всех возможных мест ты именно здесь, а ты, скорее всего, ей не позвонил, поскольку я нашёл твой телефон в грязи во дворе, — предупреждает он.

Дженна.

Её имя заставляет меня сесть.

Я тысячу раз говорил ей, что мы с Лизой просто друзья и были ими с детского сада, но Дженна всегда отвечала, что, пока у той есть грудь и влагалище, она никогда не будет ей доверять.

Это занимает всего минуту, но с папиной помощью я перебираюсь из дома Лизы в пикап и возвращаюсь домой в свою постель. Я игнорирую осуждающую лекцию, которую он читает мне всю дорогу до дома. Мне кажется, я заслужил такую ночь, как прошедшая, после всего, через что мне пришлось пройти.

Мама, видимо, согласна, поскольку убрала мою комнату и уложила меня, словно мне двенадцать, и принесла мне ибупрофен, после чего мне удалось удержать кусок тоста. Моя кровать гораздо лучше, чем диван Лизы.

Просыпаюсь я по-прежнему в своей комнате, но небо тёмное. Птицы уже подняли шум, поэтому это должно быть раннее утро. Я сажусь и вижу, что часы на столе показывают пять часов одиннадцать минут утра. Наверно, я проспал весь вчерашний день. Мне гораздо лучше. Мой желудок пустой и урчит, а запах бекона, идущий снизу, убеждает меня проснуться. Ужасной боли в моей голове больше нет, её заменила ноющая.

Я выбираю футболку, джинсы и боксёры, дохожу до душа и смываю с себя запах рвоты и виски.

Мы совсем не разговаривали с Дженной. Я сказал ей, что перезвоню после того, как поговорю с родителями, но я просто не могу заставить себя сделать это. Я не знаю, что сказать ей. Не знаю, что будет с нами дальше.

Мне нужен выходной от чувств и мыслей. Но теперь он кажется потраченным днём. Я вроде готов подтвердить, что она права. Объяснить ей, что у меня реальное заболевание, а не какая-то выдуманная чушь. Хотя, зная её, она всё выяснит. Возможно, она могла бы остаться со мной; не похоже, что я не мог бы развестись, я даже не уверен, что этот брак *законный*. Уверен, эта девушка... Лорен. Я должен перестать называть её девушкой. В конце концов, она не какая-то незнакомая женщина... Лорен согласилась бы разорвать все связи, осознав, что я не тот человек, которого она любит.

Но ребёнок... Зная, что у меня есть ребёнок... Думаю, этого Дженна не примет, и я не могу винить её. Я только хотел бы подольше сохранить воспоминания о том, что был счастливо помолвлен с женщиной, которую выбрал *сам*, и о том, как выглядели бы *наши* дети.

Ну, не было бы никаких детей, пока она не закончила бы юридическую школу, не сдала бы экзамены и не зарекомендовала бы себя в фирме... Но это уже не важно. Почистив зубы и натянув одежду, я направляюсь на кухню. Мой желудок уже жаждет бекона с яйцами, которые поджарила мама. Она оглядывается на меня, когда я сажусь за стол. У неё уже есть тарелка, приготовленная для меня. Мама садится за стол напротив меня и наливает апельсиновый сок в наши стаканы. Я начинаю копать в тарелке, а она откашливается. Я закатываю глаза, когда она берёт меня за руку.

— Господи, благодарим тебя за эту благословенную пищу, которую мы получили, и за то,

что наши тела достаточно здоровы, чтобы принять её. Аминь, — говорит мама, и я ворчу «аминь», прежде чем засунуть в рот целую ложку яиц.

Я пытаюсь насчитать хоть несколько вещей, за которые нужно быть благодарным в это утро, но на данный момент я не настроен на благодарности.

Кто-то испоганил мою жизнь, и если её таким образом планирует Бог, то я довольно зол на него сейчас. Но, так как моя мама всё ещё здесь, несмотря на недавнюю близость к тому, чтобы уйти, я не буду озвучивать эту точку зрения.

— Папа на заднем дворе? — спрашиваю я, заметив, что она не поставила тарелку для него.

Кивок.

— Он хотел начать пораньше, — говорит она, допив свой сок. — Как ты себя чувствуешь? — задаёт мама вопрос, но я не уверен, имеет она в виду моё психическое состояние или похмелье после вчерашнего.

Я на секунду поднимаю глаза на неё, прежде чем снова опустить их в тарелку.

— Я не знаю, — честно признаюсь.

Сегодня меня словно поглощает оцепенение. Я не знаю, что чувствовать или о чём думать, но это лучше, чем испытывать злость или безнадежность, так что я выбираю именно это.

— Завтра собирается приехать Лорен, — говорит она тихо нормальным голосом, хотя её заявление совсем не является таковым.

Я глубоко вздыхаю.

— Да? — произношу я, чувствуя себя будто в тумане.

Лорен, моя жена, жена Кэла. В данный момент не имеет значения, чья она жена, поскольку обе или одна из наших ДНК есть в ребёнке. Мама встаёт из-за стола, открывает ящик и садится обратно.

— Я не успела показать тебе это. Ты так неожиданно ушёл в тот день, — говорит она, передавая через стол фотографию.

Её губы плотно сжаты, но изогнуты в улыбке. Я беру фотографию и вздыхаю. На ней маленькая девочка, годовалая или около того. С большими зелёными глазами и вездесущими тёмными вьющимися волосами. А ещё с двумя глубокими ямочками.

Я невольно вздыхаю. Она выглядит в точности, как я на детских фотографиях, разница лишь в том, что она девочка.

— Красивая, правда? — говорит мама, больше не пряча улыбку.

Вау. У меня действительно есть дочь, и она очень похожа на меня. Я никогда не думал, что в первый раз увижу своего ребёнка на фотографии, когда она уже появится на свет...

Я даже не знаю, сколько ей лет.

— Как её зовут? — спрашиваю я, подпирая лоб рукой.

— Кэйлен, — произносит мама тихо.

Я злюсь.

— Она назвала её в честь него, не так ли? — спрашиваю я, зло усмехаясь.

— Я знаю, это не лучшая ситуация, и мы не могли даже предположить, что для тебя всё сложится именно так, но не совсем обязательно, чтобы всё было так плохо, — говорит мама, хватая меня за руку и сжимая её.

Я качаю головой.

— Я... Я пропустил её первый день рождения, первое слово и первые шаги. Я даже не знаю, сколько ей лет, — отвечаю я; само знание того, что в этом мире есть часть меня, добавляется к той переполненной чаше стресса...

— Твои мы тоже пропустили, но из-за этого наша любовь к тебе не уменьшилась. Если б мы тогда присутствовали, ты бы стал любить нас больше? — спрашивает она с искренней улыбкой.

Она права. Всё могло быть гораздо хуже. Я должен перестать жалеть себя: хочется мне этого или нет, я... я — отец. Мне всегда хотелось детей. Я вырос единственным ребёнком, и если б не Лиза, то мне было бы очень одиноко.

Будь моя воля, у меня было бы столько детей, чтобы хватило бы на основании младшей лиги. Но Дженна ясно дала понять, что, когда мы создадим семью, этого не случится. Она действительно не хочет детей, но сказала, что согласится на одного для меня. Теперь она, скорее всего, не собирается даже разговаривать со мной, *не то чтобы* заводить детей. Я не видел ни одной женщины, воспринимавшей меня всерьёз с чем-то подобным. Привет, меня зовут Крис, и я могу превратиться в придурка в любую минуту в прямом смысле этого слова. Вероятно, это единственный ребёнок, которого я когда-либо буду иметь.

— Она собирается привезти её... Кэйлен завтра с собой? — поправляю я сам себя.

— Нет. Я верю, что она вернулась в Чикаго, — говорит мама, выпив кофе.

Чикаго... Это как минимум три-четыре часа на машине. Я был там... Или помню, что в старшей школе совершил поездку туда. Я вздыхаю. И как я могу быть отцом в четырёх часах езды отсюда?

— Ты много о ней знаешь? — задаю я вопрос.

— Ну, немного, Кристофер. Декстер рассказывал нам, что пару лет назад она закончила университет в Чикаго и что она была художницей, но не знаю, какой именно. Она родом из Мичигана.

Мама вздыхает и складывает руки.

— Он рассказывал нам, что она хороший человек.

Определение хорошего человека, данное Декстером, мало что значит для меня.

— Также он сказал, что... что Кэл действительно её любил.

Её глаза ненадолго встречаются с моими, прежде чем она опускает взгляд на стол.

«Любил её?» Он любил её недостаточно, чтобы сказать правду... Но мои родители тоже не дали мне её.

Я глубоко вздыхаю. Лорен придёт сюда, и я даже не хочу думать о том, что она мне скажет. У меня лицо этого парня, который бросил её, который оставил её с ребёнком. Но даже после всего этого она смотрела на меня взглядом, в котором было что угодно, кроме обиды или ненависти... Ну, пока я не сказал ей, что не знаю, кто она такая.

«Ты не можешь жениться. Ты уже...»

Я сдаюсь. Мне всё больше кажется, что я влип в это по уши. Сегодня мне нужно разобраться со всем этим, с Дженной и с Лорен. Одна должна была или могла бы стать моей женой, и не могла знать, что я женат на женщине, от которой у меня ребёнок; о сосуществовании другой я и не подозревал до этой недели.

— Что мне сказать Дженне, мам? Как я скажу ей это?

Я снова смотрю на маленькую девочку на фото, пытаюсь заставить свой мозг осознать, что это *моя дочь*.

— Ты можешь только сказать ей правду и надеяться, что она поймёт, — отвечает слабо мама, как будто даже не веря, что Дженна отнесётся к этому с пониманием.

— А Лорен... Я не знаю, чего она от меня хочет.

Я замолкаю.

— Она поймёт это? — вздыхаю я.

Я даже не знаю, понимания чего я от неё жду... Что я не тот парень, который женился на ней и сделал ей ребёнка? Но это я. Я всё ещё пытаюсь свыкнуться с этим.

Мама качает головой.

— Уверена, ей будет нелегко, но, по крайней мере, она убедила меня в том, что это связано с

Кэйлен. У неё не было достаточно времени, чтобы переварить значительную часть, но, может быть, достаточно, чтобы попытаться понять, что ты не тот человек, в которого она влюбилась.

Тон мамы выражает надежду, а вот я не разделяю её оптимизма.

Любовь. Она любила его. Ужасно слышать это слово в одном предложении с ним. Это делает его настоящим, а он не заслуживает признания. Если я хочу разобраться со всем или хотя бы убедиться, что моя жизнь не отправится прямиком в ад, то мне нужно начать что-то делать.

— Ты знаешь, где она? Лорен? — спрашиваю я.

— Я говорила ей об отеле «Риттер Инн»... — говорит мама, забирая со стола наши пустые тарелки. — На самом деле, Роуз подтвердила, что она заселилась после ухода отсюда, — признаётся мама.

— Я вернусь, чтобы помочь папе, до полудня, — говорю я, хватая со стола ключи от своего пикапа.

— Куда ты собрался так рано?

— Попытаюсь поймать Дженну до того, как она отправится в школу, — говорю я, уходя.

— Крис. Хочешь, я позвоню и запланирую встречу с доктором Лайс? — спрашивает мама нерешительно.

— Я найду нового доктора, — отвечаю ей перед уходом.

Мои родители врал. Я должен простить их. Декстер врал. От него этого можно было ожидать. Но мой доктор? С любым доктором, который может скрыть от меня такое, я больше никогда не захочу иметь дело снова.

— Удачи, сынок, — говорит мама, прежде чем я залезаю в пикап.

Она мне понадобится.

Глава 4

Я подъезжаю к дому Дженны, когда она уже выходит из дома, её большая кожаная сумка до краёв забита ноутбуком, тетрадями и блокнотом. Её волосы собраны в тугий пучок, а глаза закрыты чёрными стёклами очков. Она предпочитает совершать весь путь до Мичиганского университета, который находится примерно в двух часах езды. По её словам, лучше пожертвовать своим сном, чем деньгами на комнату и питание, поскольку здесь, в Мэдисоне, аренда намного дешевле. Её родители довольно состоятельны, но они хотели, чтобы она пошла в школу, в которой учились они сами. Когда она этого не сделала, они оплатили обучение, и на этом всё.

Я встречаю Дженну у подножия лестницы, она поправляет сумочку на своём плече и обнимает себя руками. Я ничего не вижу за её очками, но она определённо избегает смотреть мне в глаза.

— Привет, — говорю я тихо.

Девушка начинает кусать губы – первый намёк на то, что она злится, и имеет полное на это право. Я так и не позвонил, поскольку она уже была поражена ломающей жизнь бомбой меньше сорока восьми часов назад. Мой взгляд опускается к её руке, и я с облегчением замечаю, что она всё ещё носит кольцо. Не важно, скорее всего, она бросит его в меня после того, как я скажу ей то, что должен.

— Ты не позвонил мне. Ты сказал, что позвонишь после разговора с родителями, — произносит она так же тихо.

— Знаю. Я всё испортил, — говорю я, скрещивая руки на груди.

— От тебя не было никаких вестей ни тем вечером, ни днём позже. И теперь ты просто появляешься на моих ступенях? — спрашивает она, пожимая плечами.

— Я сломал телефон. Напился в хлам тем вечером и проспал весь вчерашний день, —

признаюсь я.

Я понимаю, что выгляжу идиотом, но не хочу обманывать её. После всего этого Дженна не заслужила такого. Она глубоко вздыхает.

— Здорово. То есть, ты напился до такой степени, чтобы проспять весь день, хотя обычно едва притрагиваешься к пиву. Не отвечал на звонки и не позвонил мне сам, хотя говорил, что сделаешь это. Вдобавок ко всему, ты оставляешь меня в неведении после того, как, возможно, узнал какие-то новости, значительно меняющие нашу жизнь. И, всё же, я узнаю всё последней. Я твоя невеста, Крис! Я должна была узнать первой!

Я чувствую себя полным кретином.

— Мне действительно жаль, Дженна, — говорю я глупо, потому что так и есть.

— Тебе очень жаль, Крис. Но твоё сожаление вряд ли поможет во всём этом! Так, что же случилось, что сказали твои родители? — выпаливает она стремительно.

Я вздыхаю и провожу рукой по волосам.

— ДРЛ. Вот, что это такое, верно? — она отвечает прежде, чем я могу даже среагировать, и я киваю.

Это Дженна. Всегда на шаг впереди. Готов поспорить, она вряд ли догадается, что я вынужден сказать ей дальше.

— Так, эта женщина, Лорен, она твоя жена, — говорит она со смехом.

— Ну, она жена Кэла. Кэл женился на ней, — говорю я, пытаюсь максимально отдалиться от выбора.

Дженна срывает очки, и от её взгляда мне хочется спрятаться.

— Значит, ты не собираешься брать на себя ответственность за всё это? — спрашивает она.

— Я не уклоняюсь от ответственности. Я лишь хочу, чтобы ты поняла. Кэл. Кэл женился на ней. Я понятия не имею, кто она такая. Я люблю тебя. Я хочу жениться на тебе!

Она молчит. Даже не знаю, что хуже: её крики или молчание.

Я приближаюсь к ней на шаг, а она отходит. Я теряю её и ясно чувствую это, а ведь она ещё даже не услышала, что у меня есть ребёнок.

— Я пытаюсь понять. Действительно пытаюсь. Я кучу времени изучала это в «Интернете». Даже наткнулась на онлайн-группу поддержки для людей с твоим заболеванием, — в её глазах стоят слёзы. — Это так... — она вздыхает. — Я знаю, это не твоя вина, и это не то, о чём ты просил, но мне очень нелегко разобраться в этом, — говорит она и откашливается.

— Знаю. Просто представь, что чувствую я, — я усмехаюсь, а она скупно улыбается. — Если это слишком для тебя, Дженна... Я бы понял, если это слишком для тебя, — произношу я, садясь на её крыльцо.

— Крис, если бы это был кто-то другой, я бы не поверила. Но это ты. Ты один из самых заботливых, бескорыстных и честных людей, которых я знаю, — говорит она, садясь рядом. — Хотя даже ты порой можешь быть большим ребёнком, — усмехается она, и я тоже...

Ребёнком... Уф. Я смотрю на Дженну, очки снова на ней.

— Я собираюсь пораньше в школу, чтобы подготовиться завтра к экзамену, — говорит она. — Я собиралась остаться на ночь у Кейли, но вместо этого могу вернуться, — продолжает она, и я потираю шею.

«Как это произнести?» Мне нужно сообщить ей. Я не могу скрывать это от неё. Как же лучше это сказать? Я знаю, она бы точно не оценила длинную затянутую речь. Дженна встаёт, и я делаю то же самое. Девушка обвивает меня руками. Что мне сказать? Я поднимаю её за талию и прижимаю к себе, будто в последний раз. Уверен на девяносто процентов, это действительно последний раз, когда я смогу держать её вот так.

— Крис, у нас всё получится. Мы найдём тебе лучших врачей и группы поддержки, мы

справимся с этим. По крайней мере, теперь мы знаем, с чем имеем дело. Этот брак не может быть законным, — говорит она уверенно.

Я ставлю её на землю, и она кладёт ладони мне на щёки. Вот за это я её и люблю. Ей удалось вытащить меня из праздника жалости к себе.

Когда мы с Дженной встретились, я ехал от маминого доктора, и новости были не очень хорошими. Все нянчились и ходили на цыпочках вокруг меня из-за всего происходящего. Даже Лиза не смогла прорваться, а Дженне удалось. Я отвёл от неё взгляд и просто позволил всему выплеснуться.

— Лорен... У неё...

Дженна поднимает брови. Я понимаю, что следующая фраза может изменить всё.

— У неё есть дочь.

Как только слова вылетают из моего рта, её глаза расширяются, а рот открывается. Её лицо ничего не выражает, она выпускает моё лицо из своих рук и отходит.

— Что? — спрашивает Дженна, и её голос содрогается. — Нет.

Она закрывает лицо, с которого сходят все краски.

— Она... Она твоя? — спрашивает, её голос приобретает устойчивость.

Я отворачиваюсь от неё.

— Ох, прости! Она дочь Кэла? — произносит Дженна, изображая пальцами кавычки.

— Мне жаль.

Знаю, что это не поможет, но это так. Это единственное, что я могу ей сказать.

— Конечно, тебе жаль, — говорит она, качая головой. — Но я не могу злиться на тебя, верно? Потому что это был не ты, а он был тобой! — она начинает смеяться, но по её лицу текут слёзы. — Я... я не могу разобраться с этим прямо сейчас, — Дженна закрывает лицо и трясёт рукой. — Мне нужно идти.

Она проходит мимо меня к своей машине.

— Дженна, поговори со мной!

Я хватаю её за запястье, а она отдёргивает его. Мгновенно её правая рука находит мою щёку. Но даже острая боль от пощёчины не мешает мне читать страдание в её глазах.

— Прости, — сразу же произносит Дженна. — Мне нужно время. Просто дай мне немного времени, — говорит она, лишь на секунду её взгляд встречается с моим, прежде чем она отворачивается, садится в машину и мчится прочь.

Глава 5

Встреча с Дженной прошла абсолютно катастрофично. Признаю, я должен был сказать нечто большее, чем: «Эй, у девушки, с которой ты тогда познакомилась, есть ребёнок, и, скорее всего, он мой», — или что-то вроде того.

Нужно было нечто глубокое и значимое, но это никогда не было моим коньком. Я пытаюсь быть честным, независимо от того, насколько это больно, и наименее обидным способом, если это вообще возможно. Всё же, я мог бы сделать больше, чем стоять там, как идиот, и болтать такое. Мне стоит быть благодарным. Могло быть и хуже. Кольцо всё ещё у неё, и она официально не разорвала помолвку. Она попросила немного времени, но время — это непозволительная роскошь для меня, так как большая её часть исчезает в считанные секунды.

Хотел бы я иметь больше времени на то, чтобы во всём разобраться, но оно просто продолжает тикать, секунда за секундой, а после вчерашнего я решил, что больше не буду тратить его впустую, делать всё правильно или хотя бы пытаться. Как бы мне не хотелось

выкинуть из головы мысль, что моим телом владеет ещё одна личность, которая может появиться без какого-либо предупреждения и поиметь меня по полной, я не могу этого сделать. Чем быстрее дела придут в порядок, тем скорее у меня сможет появиться уверенность, что этот парень не причинит никакого вреда.

Я сделаю всё, чтобы контролировать ущерб после него. Я должен, и это выводит меня из себя. Всё образуется – по крайней мере, я знаю это. Самое худшее – это незнание, и, как бы это ни пугало, сейчас я кажусь не таким неуправляемым, как в тот момент, когда впервые узнал. Я столкнулся с некоторыми, мягко говоря, напряжёнными вопросами, но мои головные боли ни разу не давали о себе знать, и я слежу за временем. Не знаю, сохранятся ли наши с Дженной отношения, но теперь она знает правду. Единственное, что мне сейчас остаётся – встреча с Лорен.

Я думал, буду больше нервничать из-за разговора с Дженной, но, стоя прямо сейчас рядом с её гостиничным номером, понимаю, что крупно ошибался. Ладони вспотели, сердце бьётся слишком быстро, а у моего желудка чувство, что он — каное в океане. С Дженной я знаю, чего ожидать. Она переходит от уравновешенного состояния к слёту с катушек за считанные секунды. А какова Лорен я понятия не имею, и тот факт, что эта женщина знает меня как человека, чей зад я хочу надрать, не спасает.

Я уже принимался стучать в дверь несколько раз, но до сих пор так и не смог решиться. Понятия не имею, что она сделает, когда откроет дверь. Ударит меня, обнимет или даст по яйцам. Я знаю, родители рассказали ей о моём состоянии, но кто знает, поверила ли она. Мои родители ввали ей и держали в неведении. Она единственный человек, которого в этой ситуации поимели больше, чем меня, и в разгар всего этого она должна ещё и заботиться о своём ребёнке. Плюс тот факт, что она знает меня как его. Я снова замахиваюсь кулаком в сторону двери, и на этот раз мне удаётся постучать.

Слышу включённый телевизор, а затем приближающиеся к двери шаги и засовываю руки в карманы джинсов. Что бы она не сделала или сказала, я заслуживаю это. Кэла здесь нет, чтобы иметь дело с её гневом, как и со всем остальным, значит, это буду я. Надеюсь, когда она закончит, мы сможем попытаться придумать какой-нибудь способ всё уладить ради неё. Ради нашей дочери.

— Мне не нужно... — говорит она, распахнув дверь.

Меня точно не ждали, и это можно прочесть на её лице в момент, как она видит, что это я. Глаза распахнуты, а рот широко раскрыт от удивления. Она не двигается, как будто замёрзла, за исключением её дрожащей руки на дверной ручке.

— Привет, — произношу я тихо, практически выталкивая звук из горла, сухого, как пустыня.

Мои слова выводят её из застывшего состояния, потому что она захлопывает дверь перед моим носом. Я чешу затылок. Не ожидал такого.

— Прости, что заявился вот так. Я... я просто подумал... Могу прийти позже, когда ты будешь готова.

Мой голос нервный и дрожащий. Я не должен был её так ошарашивать. Подожду, пока она сама не придёт, когда будет готова. Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но слышу, как открывается дверь.

— Нет! — выпаливает Лорен отчаянно.

Она нервно улыбается мне, убирая волосы с лица. Я медленно подхожу к ней. Благодаря яркому солнцу, светившему через окно коридора, её карие глаза сверкают. Она выглядит уставшей, её веки опухшие, но, тем не менее, девушка красива. Такая красивая, что становится страшно. По крайней мере, она где-то на фут ниже меня. У меня есть предлог смотреть над её головой, а не на неё саму.

— Мои родители сказали, что ты придёшь завтра, но... я подумал, мы... Я хотел поговорить с тобой наедине, если ты не против, — говорю я, чувствуя себя неуклюжим идиотом.

Лорен с любопытством смотрит на меня и открывает рот, как будто собирается что-то сказать, но не решается. Вместо этого она отступает назад и жестом предлагает мне войти. Я засовываю руки в карманы джинсов, когда вхожу в гостиничный номер. Тут есть кровать, телевизор, диван и мини-холодильник. Бумажные носовые платки разбросаны по тумбочке, рядом с ними стакан воды. Она закрывает дверь и подходит к дивану, но не садится. Посмотрев в пол, девушка складывает руки на груди. Думаю, для начала это неплохо. Она не ударила меня и не начала кричать. Только переступает с ноги на ногу, нервничая так же, как и я.

— Я совершенно не знаю, что тебе сказать или с чего начать, — признаюсь я, когда её глаза встречаются с моими.

Я смотрю на женщину, которую часть меня любила настолько, что женилась. Она прикусывает нижнюю губу, показывая маленькую ямочку на правой щеке. После этого пристально смотрит на меня в течение нескольких секунд, как будто пытаюсь увидеть насквозь, и я отвожу взгляд.

Она верит во всё это? Я знаю, что, глядя мне в глаза, она ищет его. Я знаю это, потому что делал то же самое, стоя перед зеркалом, сегодня утром.

— М-м-м, — говорит она, её голос дрожит.

У меня всё ещё нет плана, и я не знаю, что сказать. Всё, что я сделал за первые несколько минут пребывания здесь, довело её до слёз. Я никогда не заставлял плакать столько женщин.

— Честно говоря, я тоже не знаю, что тебе сказать, — говорит девушка, её голос дрожит, когда она вытирает слезу со щеки. — Твои родители тебе всё рассказали? — спрашивает она нерешительно.

Должно быть, она действительно всё это время думала, что я идиот и ничего никогда не понимал, но, на мой взгляд, для неё лучше считать меня идиотом, чем лживой сволочью.

— Они сказали, что лгали мне всё это время. Что в то время, когда я ничего не помнил, другой человек проживал мою же жизнь за меня; что они посчитали нужным скрыть это от меня. Все, кого я знал и кому доверял, мне лгали. Мои родители, мой, так называемый, доктор... Мне следовало понять, что что-то не так.

И, пока с языка не слетели эти слова, я не понимал, насколько горько это звучит, но сейчас, признавшись в этом, чувствую себя лучше.

— Те, кому я доверял больше всего, обманули меня, — говорю я сам себе тихо, произнести это вслух было практически облегчением.

Лорен молчит, но я замечаю, что её глаза снова меня изучают. Интересно, каково смотреть на того, кого знаешь, в то время как он тебя совсем не узнаёт?

— Ты не можешь винить себя... Такова человеческая природа – хотеть верить, что всё всегда хорошо. Когда я разговаривала с твоими родителями, они думали, что делают для тебя как лучше. Они делали всё только в твоих интересах.

Я смотрю на неё. Она выкручивает руки, и я могу лишь представить, как тяжело это для неё. И, тем не менее, после всего случившегося с ней она говорит такие вещи.

— Не ожидал, что ты будешь защищать их. Особенно после того, как... они солгали и тебе.

— Я не защищаю их. Они поступили неправильно. Это причинило боль многим людям. Но не думаю, что они сделали это, будучи злыми или жестокими. Они хотели защитить тебя. Как родитель, ты сделаешь всё, чтобы защитить своего ребёнка от того, что, на твой взгляд, может навредить ему. Будь я на их месте и верь я, что могу уберечь тебя, солгав, то так бы и сделала.

Я вспоминаю главную причину, по которой пришёл сюда, и залезаю в карман, чтобы вытащить фотографию нашей дочери. Ничего себе, понадобится время, чтобы привыкнуть к

этому. Направляюсь к Лорен, и её глаза расширяются. Я слышу её дыхание и замечаю, как она рукой сжимает запястье, что походит на какой-то метод снятия стресса. Мне срочно нужно разработать такой для себя.

Девушка отходит от меня на шаг, и я понимаю, что, возможно, будет лучше, если я просто покажу ей фотографию. В конце концов, я всего лишь какой-то незнакомый странный парень в её номере отеля... вроде как.

— Моя мама говорит... — я пытаюсь придумать наименее неловкий способ сказать это.

«Я её отец, она моя дочь, наш ребёнок?»

— Кэйлен, — вставляет она мягко и касается лица на фотографии.

— Ты назвала её в честь него... Кэла? — я неохотно произношу его имя, будто оно может запустить что-то вроде сигнала тревоги, и девушка впадёт в какое-то сумасшествие, как недавно.

Сейчас Лорен ведёт себя совершенно по-другому. Спокойно, учитывая обстоятельства, не орёт в неконтролируемом порыве. Она кивает, пока я сажусь на диван.

— Сколько ей лет? — спрашиваю я с вырывающимся вздохом.

— Её первый день рождения был три дня назад, — говорит она, садясь на край дивана.

Я не переставал думать о том, что ей пришлось пройти через всё в одиночку. Кроме провала в памяти двухдневной давности, у меня почти два года не было ни одного, а это значит, что и Кэла там не было. Он тоже всё пропустил.

Я поворачиваюсь к ней.

— Ты растила её одна? — спрашиваю я, и она потирает ладонью бёдра.

— Нет. Моя тётя и друзья с самого начала помогали мне с ней. Она ни в чём не нуждается, — объясняет девушка.

— Кроме отца, — произношу я тихо.

Господи, если у нас одни и те же гены, она вполне может столкнуться с подобным.

— Она не делала ничего странного? — спрашиваю я, и Лорен теряет терпение.

— Например? — спрашивает она, и в её голосе слышится резкость.

— Ну, в целом? — нерешительно произношу я, так как она не поняла, на что я намекаю.

— Кэйлен не странная! — теперь её голос определённо резкий.

— Нет, я не имел в виду это. Я только хотел убедиться, что у неё всё хорошо.

Я прекращаю намекать на то, что её дочь... что наша дочь такая же сумасшедшая, как её старый добрый папочка.

— С ней уже целый год всё нормально и без твоего участия. Я сделала так, что у неё всё в порядке!

Всё плохо. Я не хотел оскорблений по поводу того, как она её вырастила. Ну, я ведь не знаю, как она её растила.

— Я ничего такого не имел в виду. Я... я не знаю, что именно хотел сказать.

Встаю и протягиваю ей фотографию, её злость иссякает.

— Прости. Я погорячилась. Я... я просто не привыкла к этому. Ко всему этому... этому всему, — нервно запинаясь она.

— Нет, это я во всём виноват. Перегнул палку. Нельзя было задавать такой глупый вопрос, — я перебиваю её, и она слегка улыбается, её небольшая ямочка вновь появляется.

Я оглядываюсь на фотографию Кэйлен. Она похожа на меня, но ямочки и нос ей достались от мамы. Поразительно, как маленький человек может выглядеть сочетанием двух людей. Я не помню свою биологическую мать или отца, поэтому не знаю, на кого похож. Я сажусь обратно на диван, а в следующий момент Лорен садится в нескольких сантиметрах от меня.

— У неё твои глаза. Они становятся похожими на них, — обычно её голос мягкий, но сейчас он твёрдый.

Её глаза находят мои, и на секунду она улыбается – едва, но, всё же, улыбается.

«Останься со мной».

Это похоже на шёпот у меня в ухе.

Её образ из сна, приснившегося мне прошлой ночью, вторгся в мои мысли. Я выкидываю его из головы. Я не думал о нём с тех пор, но он сам решил появиться именно сейчас, когда она вот-вот заплачет, а я ною, как маленький мальчик. *«Возьми себя в руки, Крис».*

— То есть... я... — Лорен начинает заикаться, а на её коже появляется небольшой румянец.

Это вызывает у меня улыбку. Она на самом деле красива... Я снова обращаю внимание на фотографию в руке. Девушка всё ещё смотрит на меня, и это пугающе, потому что я нервничаю, переживаю и волнуюсь одновременно. Я не знаю её, но что-то в ней вызывает эти эмоции, а я не могу справиться с ними прямо сейчас. Наверное, они не мои, поэтому я и не могу это сделать. Я чувствовал, что не поддамся им, только начав говорить, что и делаю.

— Как мы справимся с этим? — тихо спрашиваю я.

К счастью, мой голос не выдаёт ту энергию, что бурлит внутри меня как смерч.

— Я... не знаю, что с этим делать... — говорю, заламывая руки.

Вздыхаю и встаю.

— Ты обо мне ничего не знаешь. Я не знаю ничего о тебе. И этот парень, Кэл... — я закрываю руками лицо.

Мне нужно убежать или ударить по чему-нибудь... Те слова прозвучали и вырвались из моих уст непреднамеренно, но чем больше я говорю, тем больше энергии высвобождается, и я продолжаю:

— Я хочу сказать... У меня есть дочь, которую я даже не помню... — злобно смеюсь, но продолжаю. — Годы *моей* жизни! Я не помню ничего, что произошло в то время. Никто не удосужился мне рассказать. Что мне теперь с этим делать?

Я начинаю расхаживать по комнате, потом у меня возникает желание остановиться, сесть и спросить, как она справляется с этим. Я прямо как маленький ребёнок, но разговор – это единственное, благодаря чему отпадает желание взорваться. Просто пытаюсь выразить своё отчаяние, а вместо этого слетаю с катушек, выражаясь как эгоистичный подонок.

— Я пытаюсь. Правда... Я думал, что если смогу попытаться первым заговорить с тобой, то у меня получится, но...

Наверное, Лорен считает меня сумасшедшим, но, когда наши взгляды встречаются, выражение её глаз мягкое и сочувствующее. Как будто ей жаль меня. Она перенесла всё это, а теперь жалеет меня?

— Я понимаю, как тяжело это для тебя. Хотя даже представить не могу, что с тобой сейчас происходит, — говорит девушка мягким и утешительным тоном, и в какой-то момент я хочу её обнять.

Словно объятья всё исправят. Но я не могу, поэтому не стану. Это было бы эгоистично и может быть неправильно истолковано, потому что, когда она смотрит на меня...

— Я *ничего* о тебе не знаю! — после того, как слова вылетают из моего рта, я понимаю, как жестоко они звучат, но, как бы то ни было, не могу удержаться, чтобы не сказать то, что у меня на уме.

Её взгляд прикован ко мне, и вместо того, чтобы отвести взгляд, я смотрю ей в глаза. Это не сложно, они притягивающие, соблазнительные. И более того, они словно открытые окна, я могу видеть её душу. И хоть у неё на лице лёгкая улыбка, я вижу её боль, страдание и надежду. Это самое ужасное из всего, потому что её надежда погубит меня. Она не знает и не любит меня, значит, её надежда не на меня, а на Кэла.

— Но когда ты смотришь на меня, то возникает такое чувство, будто ты знаешь обо мне всё,

— говорю я.

Лорен слегка вздыхает. Нервная энергия внутри меня, кажется, исчезает. Я перевожу взгляд с неё на свои руки. Руки, которые делали разные вещи... У меня и так куча проблем с одной жизнью. Что же мне делать с той, о которой я вообще ничего не знаю? С той... которая на самом деле мне не принадлежит?

— Когда твои родители рассказали мне о тебе... — её голос тихий, чуть громче шёпота. — Это было самое тяжёлое, что я когда-либо испытывала, самое тяжёлое, что мне когда-либо приходилось слышать.

Её карие глаза тускнеют, их застилают слёзы.

— Мне было больно, и я была сбита с толку. Я даже не поверила им... *Не хотела верить.* Мне *до сих пор* больно. Я *до сих пор* сбита с толку. И не знаю, что делать. Не знаю, что сказать... — она замолкает, её голос прерывается. Лорен смотрит на свои ноги и продолжает, — ... *тебе*, — она делает паузу, и я чувствую, что моё сердце вот-вот остановится. — Я не могу пойти на компромисс с человеком, которого даже не знаю, — Лорен пожимает плечами и улыбается, даже, несмотря на слёзы.

Затем она поднимает на меня глаза, и улыбка исчезает с её лица.

— Когда ты смотришь на меня... будто я обуза... проблема, ты не представляешь, как это больно, — говорит девушка дрожащим голосом, а я чувствую себя самой большой сволочью на свете.

Я никогда в жизни так сильно не хотел иметь возможность сказать что-то правильное, чтобы всё наладить, но, что бы я ни произнёс, это наверняка только ухудшит ситуацию.

— Я не виню тебя в этом, — добавляет она быстро.

А должна.

— Я не могу... Но ты должен понять, что у тебя всё от Кэла... — Лорен замолкает и усмехается сквозь слёзы. — У тебя... У тебя его улыбка, его голос, его глаза... Когда я смотрю на тебя... я не могу не видеть его. И это больно — знать, что это не ты украл моё сердце, когда впервые мне улыбнулся, не тот, кто отвёз меня на первом свидании на банджи-прыжки. Что ты не тот, кто говорил мне, что я единственная женщина, которую ты когда-либо любил. Но ты... ты не он, и ты любишь другую.

Впервые я слышу, как кто-то говорит об этом парне, не используя такие слова, как «сволочь», «мудак» или «проблема», в одном предложении. Впервые меня осеняет, что она действительно что-то с ним пережила, у них была совместная *жизнь*...

— Так что, для меня это тоже всё нелегко, — продолжает девушка, усмехаясь, когда вытирает слёзы со щеки.

— Даже зная всё это, я не понимаю, как должна справиться со всем этим, — объясняет она. — Я понятия не имею, что мне с этим делать... если это вообще возможно, но я готова попытаться ради этой маленькой девочки на фотографии. Я бы сделала для неё всё, даже отказалась бы от человека, которого любила...

И тут я понял: она каким-то образом смирилась с этим, и мне показалось, что с моей души свалился камень.

Но потом она начинает плакать. Лорен пытается быть сильной, а у меня такое чувство, будто тот, кто сбросил камень с моей души, прикрепил его к её сердцу.

— Я... я сожалею. Пожалуйста, не плачь.

Лорен поворачивается ко мне и делает глубокий вдох. Она смотрит на меня так, как будто пытается увидеть нового человека. Слёзы до сих пор льются из её глаз. Я шарю по карманам, нахожу салфетку и предлагаю её девушке. Она берёт её и вытирает глаза.

— Я знаю, что ты не виноват. И знаю, что ты хочешь верить в то, что это не твои проблемы,

но это так, и они и мои тоже... Но это не проблемы Кэйлен. Я готова поверить, что ты не Кэл, что ты не мой муж. Могу научиться этому. Но я не могу избавить тебя от обязанности быть отцом Кэйлен. Ты являешься её частью, — говорит Лорен дрожащим, но решительным голосом, и её взгляд даёт мне понять, что она настроена серьёзно. — В этом я точно уверена. Это всё, что я могу сказать тебе, — говорит она со вздохом и садится на диван.

Ничего себе, что с этой девушкой? Она кажется хрупкой, но, несомненно, сильной. Как, чёрт подери, такому парню, как он, удалось заставить подобную девушку влюбиться в него? Я подхожу к дивану и сажусь на то же место, что и раньше, обязательно соблюдая дистанцию в несколько сантиметров между нами. Я смотрю на Лорен и вспоминаю сообщение Кэла.

— Мои родители говорили, что он... Они описывают его как... — я пытаюсь придумать, как описать его, не оскорбив её, но идей не появляется.

— О, я знаю, твой отец не постеснялся высказать мне всё, что он думает о Кэле, — отвечает Лорен.

«Старый добрый папа».

— А он...? Он был...? — спрашиваю я нерешительно.

Я никогда не испытывал ненависти к кому-либо, но могу представить, что именно это я испытываю по отношению к нему за то, что он сделал с моей жизнью и моими отношениями. От его пренебрежения убеждениями и ценностями, которыми моя семья учила меня дорожить, меня бросает в дрожь. Этот монстр, он внутри меня.

— Таким человеком, как описывают его твои родители, со мною Кэл не был. Не пойми меня неправильно, он мог быть высокомерным, невыносимым и насмешливым... очень, — вздыхает она.

Высокомерный, невыносимый и насмешливый — это моё первое впечатление о нём.

— Но он был намного больше, чем это, — продолжает Лорен. — Он мог быть добрым... заботливым... защитником, — добавляет она, и я чувствую, как поднимаются мои брови.

Не представляю, как человек, разрушивший мою жизнь, мог быть добрым, заботливым или защитником, но внешне я стараюсь не показывать своего недоверия.

— Он очень умный, уверенный и умеет убеждать. Он мог уговорить кого угодно сделать то, что он хотел. Он был красивый, невероятно сексуальный...

Пытаюсь скрыть улыбку, появляющуюся на моём лице. Я понимаю, что формально она не имела в виду меня, но единственное, что объединяет нас с Кэлом — это одно и то же лицо...

Глава 6

Встреча с Лорен прошла даже лучше, чем ожидалось. Хотя не знаю, чего именно я ожидал. Но всё могло бы быть и хуже. Гораздо хуже. Слишком странно думать о том, как часть меня прожила целую жизнь с другим человеком. Я так и не смог этого понять.

По крайней мере, она кажется милой. Наша встреча продлилась недолго, но всё прошло лучше, чем в нашу первую встречу. Впрочем, хуже, чем тогда, быть просто не могло. Я проникся к ней уважением. Ей удалось держать себя в руках, если не считать слёз, но я не могу винить её за это. Не могу даже представить себя на её месте. На своём месте я уже облажался. Хотя чувствую себя лучше. Будто вся тяжесть, что была во мне, пропала. Я понимаю, что всё далеко не постоянно, но осознание того, что Лорен не вопящая психопатка и поняла меня — или как минимум попыталась узнать меня таким, какой я есть — очень помогло.

Моей первой мыслью было позвонить Дженне и рассказать ей, что не будет какого-то неловкого любовного треугольника, и что мы с Лорен больше обеспокоены ролью родителей для этой маленькой девочки. Но знаю, что она всё ещё рассержена. Нельзя винить её за это.

Большую часть дня я провёл, молча выполняя работу по хозяйству на ферме с отцом. Он особо ничего не говорил, и мне тоже нечего было ему сказать. Мама приготовила ужин: домашние макароны, жареную курицу и зелёную фасоль. Я взял тарелку и направился к себе в комнату. Это был первый раз на моей памяти, когда мы не ужинали вместе с тех пор, как я вернулся домой.

Я не злюсь на них. Ну, пытаюсь, но сесть и делать вид, что всё в порядке и ничего не изменилось, было бы притворством. Когда мы в следующий раз будем ужинать вместе, мне понадобится уверенность, что я настоящий. Что все мы настоящие, без масок. С меня достаточно всего этого. Сегодня мне хотелось бы, чтобы меня вызвали на работу, но по воскресеньям нет уроков. После просмотра старого футбольного матча и душа я оказался здесь, лежащим в кровати и смотрящим в потолок. До всего этого я никогда не был против того, чтобы побыть наедине со своими мыслями.

Сейчас же я не чувствую себя одиноким. Без понятия, как действует это диссоциативное расстройство личности, но очень похоже на попытку скрыть свои мысли от себя же самого. Этот парень, Кэл, скрывал от меня слишком многое, и я хочу скрыть от него всё, что сейчас происходит. Не знаю, что он знает или видит, или где он, но я не чувствую себя находящимся в одиночестве. Как можно?

Я думал поговорить с ним, стоя этим утром перед зеркалом и чистя зубы, но почувствовал себя идиотом. Мне не хочется много говорить. Я почувствовал бы себя лучше, ударив его в лицо, если бы только оно не было моим. И это было бы лицемерием, учитывая, что я всегда говорю детям, с которыми работаю, что насилие – это не выход. Такого со мной никогда не случалось. Родители всё время твердили, как важно использовать слова, особенно мама. Но, на случай, если бы это не помогло, в семилетнем возрасте папа стал учить меня боксу. У меня даже была «Золотая перчатка» во время учёбы в средней школе, пока я не обратил внимания на футбол. Я был достаточно хорош, чтобы пара школ предложила мне стипендию, пока моё состояние не стало этому помехой в выпускном классе. (Прим.: «Золотые перчатки» – высшая награда в любительском боксе и одноименные соревнования).

Ну, я не должен теперь говорить «состояние». Диссоциативное расстройство личности. Теперь я знаю, это Кэл начал появляться и всё портить. Когда я вспоминаю, как отключался, каждый раз действительно веря в то, что был без сознания или просто забыл, что случилось со мной во время провала, то чувствую себя глупо.

Я провёл пару часов, читая бесконечные статьи, однако ни одна из них не дала ответ, который был мне нужен: как избавиться от этого парня. Я обнаружил ещё одну раздражающую вещь: имя доктора Лайс постоянно всплывает как одно из самых уважаемых в касающейся этой болезни области. Я не встречаюсь с ней, просто не могу её видеть. Она лгала мне. Ну, хорошо, не лгала. Вместо этого она забыла рассказать мне жизненно важную информацию. Я редко видел её, лишь несколько раз. По крайней мере, это я помню, но уверен, что, скажи она мне про мой диагноз, это вряд ли бы вылетело из моей памяти.

Вдруг начинает играть песня, я сажусь и осматриваю комнату. И радио, и телевизор выключены. Обернувшись, замечаю свечение моего телефона. Хватаю его и понимаю, что это напоминание с песней, которую я на него не ставил. Нажимаю на кнопку, чтобы выключить, и кладу обратно. Но, когда плюхаюсь обратно на матрас, всё повторяется. Снова взяв телефон, я обнаруживаю, что напоминание должно срабатывать каждые три минуты весь следующий час. Просмотрев оповещения, я отменяю их, но песня звучит всё громче и громче, и предметы вокруг становятся размытыми.

Когда всё приобретает чёткость, я оказываюсь на улице. Вокруг люди, и громко играет песня из моего телефона. Но теперь она доносится не из него, а со всех сторон. Небо потемнело,

но надо мной сверкают яркие огни. Я на каком-то фестивале.

Потом вижу себя. Я стою, прислонившись к зданию, одна рука в кармане. Другая делает что-то в телефоне. На мне чёрная футболка и тёмные потёртые джинсы. А ещё часы, которые выглядят слишком дорого, чтобы носить их в таком месте. В моей руке большая спортивная сумка. Что-то привлекает моё внимание, и, оттолкнувшись от стены, я иду сквозь толпу. И тогда я понимаю, что это не я. *Это он.*

Кстати, могу сказать, что идёт он медленной, почти нахальной походкой. Засунув телефон в карман, ускоряет шаг. Потом останавливается и подкрадывается сзади к девушке, хватая её за талию и поднимает в воздух. Когда она поворачивается, я узнаю Лорен. Её волосы длиннее, чем сейчас, но те же широкие ореховые глаза сверкают для него.

— Ты до смерти меня напугал! — девушка шутливо визжит и толкает его в грудь.

Он притягивает её к себе и вовлекает в медленный страстный поцелуй, который заставляет её встать на носочки. Вдруг я перестаю просто смотреть на неё издали, а становлюсь тем, кто её целует, чувствуя мягкие губы, прежде чем она отстраняется. Лорен извивается на моей груди и обнимает руками за талию.

— Как уборная? — спрашиваю её, но это не мой голос.

Ну, мой, но немного другой. Тембр более глубокий, чем мой обычный.

— Не так отвратительно, как я думала, — поддразнивает она.

Я беру её за руку, и мы начинаем пробираться через толпу. Проходим через турникет перед чем-то, похожим на парк. Это концерт в парке. Мы находим место, и я ставлю сумку. Она достаёт покрывало, и я помогаю ей расстелить его.

— Сегодня вечером так красиво, — говорит Лорен взволнованно с такой яркой улыбкой, что я чувствую, как моё сердцебиение учащается.

Небо чёрное, но на нём есть сияющие звёзды. Группа на сцене уже играет. Там сотни людей, но достаточно места, чтобы все не наваливались друг на друга. После того, как мы разглаживаем одеяло, я сажусь, раздвигая ноги и кладя локти на колени. Лорен копается в сумке в поисках чего-то.

Она наконец-то находит ещё одно одеяло, заворачивается в него и кладёт голову мне на плечо. Я обнимаю её рукой, усаживаю между своих ног и целую каждый сантиметр её шеи. Она оглядывается назад, посылая мне игривый предупреждающий взгляд, но потом нежно целует меня. Отстраняясь, девушка улыбается так, что и моё лицо растягивается в улыбке.

Затем она высвобождается из моих объятий и снова принимается что-то искать в спортивной сумке. Лорен вытаскивает альбом для рисования, карандаш и рисует в течение нескольких песен, пока я подпеваю музыке. Песням, которых я даже не знаю, но, похоже, что мне очень нравится находиться здесь. Когда я оглядываюсь на её альбом, то вижу, что она нарисовала меня. Рисунок ещё не полностью закончен, но сделано достаточно, насколько я могу судить со своего места.

— Ты не должен был смотреть, — поддразнивает Лорен, на её щеках румянец, а волосы упали на лицо.

Я притягиваю её к себе, девушка снова устраивается между моих ног и ложится спиной мне на живот. Я скрещиваю руки на её талии, и она начинает подпевать песне. Наклонившись к её уху, я целую Лорен чуть ниже мочки. Моё сердце начинает биться быстрее. Желудок делает сальто, но я не понимаю, почему. А через секунду беру её за руки.

— Я люблю тебя, — шепчу ей на ухо, и чувствую, как её тело напрягается.

Она оглядывается на меня с широко раскрытыми глазами и небольшой улыбкой на лице.

— Я тоже люблю тебя, Кэл, — говорит она перед тем, как развернуться и поцеловать меня так, как никто до этого.

Всё исчезает вокруг меня, и на этот раз я возвращаюсь в свою комнату.

Глава 7

На сайтах не расскажут вам о таких вещах. В таких статьях говорится о симптомах, возможных методах лечения. Я нашёл пару онлайн-групп поддержки, даже несколько таких, что проводят встречи в реальной жизни, но никто из них не может «похвастаться» таким состоянием, как у меня. Тем не менее, всё, что я узнал из прочитанного мной до этого момента, не подсказывает, что делать, когда всплывают воспоминания. Как справиться с этими воспоминаниями, или, ещё лучше, как остановить их. Я думал, что хочу вспомнить, хочу узнать, но теперь не уверен, будет ли так лучше. Конечно, это было бы очень кстати. Если бы я не нервничал рядом с Лорен, как определённо было до этого дня. Это была его вина, и он уж точно не проявил таким образом благородство. Он хотел напугать меня, и именно это он и сделал.

Как только я начал чувствовать себя чуть более комфортно в этой трудной ситуации, в которую он нас втянул, ему понадобилось всё встряхнуть. Тот сон, видение или воспоминание – даже не знаю, как назвать то, что я видел. Это было как чтение чьего-то дневника или прослушивание чьих-то признаний. Всё казалось таким реальным, таким личным, и, что ещё хуже, я не знаю, реальностью это было или сном.

Остальное походило на маленькие фрагменты, на которые я мог не обращать внимания или притворяться, что ничего не произошло. Но это было нечто другое, и мне трудно от этого избавиться. Я хочу знать, действительно ли это было настоящим воспоминанием, но единственный способ узнать – спросить у Лорен, а я не стану нырять в этот омут. Могу поспорить, что он хотел бы, чтобы я предался с ней воспоминаниям. Чтобы она сохранила о нём память. Это последнее, что она заслужила.

Прошлой ночью я почти час пытался думать о Кэле как о себе, но всё это слишком странно, легче думать о нём, как о совершенно другом человеке, но Кэйлен отмела этот аргумент. И в дополнение ко всему – будто я был ещё недостаточно встревожен – сегодня день, когда я встречу третью женщину, связанную со всем этим. Свою дочь.

Ей всего год. Надеюсь, я смогу восполнить своё отсутствие во время её рождения, первого слова и первых шагов. Я понятия даже не имею о том, с чего начинать своё отцовство. Вчера мы с мамой ходили выбирать ей подарок. Она скупилась буквально весь островок игрушек, но особенно выделялся из всего этого разнообразия поющий плюшевый пингвин. Один из моих друзей уговорил меня пойти с ним и его детьми на «Пингвины Мадагаскара», и им понравилось. Честно говоря, мне тоже понравилось. Зато я знаю, что мы можем смотреть вместе мультфильмы. Я смотрю на себя в зеркало, надев белую рубашку и брюки цвета хаки – уже третий комплект одежды, что я примерял сегодня. Теперь я выгляжу так, словно у меня собеседование.

— Тук-тук, — говорит мама, входя в комнату с улыбкой на лице, самой широкой из тех, что я видел в последнее время.

Она так рада встрече с Кэйлен, только об этом и говорит. Я сказал Лорен, что, наверное, мог бы поехать туда и встретиться с ней, но она ответила, что не против приехать сюда и сама. И мама была бы очень разочарована, если бы ей пришлось ждать ещё один день, чтобы увидеть девочку. После того, как всё успокоилось, она просто восторгалась её фотографией.

— Что ты делаешь, Крис? — говорит мама с намёком на веселье в голосе, увидев три комплекта одежды, которые я сменил.

Я вздыхаю.

— Пытаюсь выглядеть, как отец, — признаюсь я со смехом.

У меня ничего не получается.

— Милый, не существует определённой вещи, которая сделает тебя похожим на отца. Уверена, что годовалый ребёнок не будет оценивать тебя только по одежде.

Мама берёт синюю футболку и джинсы, которые я собирался надеть до этого.

— Это ты, — произносит она, протягивая их мне. — Будь собой. Она полюбит тебя. Я уверена в этом, — мама говорит это так, что я верю ей.

Она подбирает с комода галстук, который я как раз хотел надеть, и хихикает, когда входит папа.

— Не помешаю? — спрашивает он, обнимая маму за талию.

— Просто моё любопытство, — смеётся она, положив голову ему на плечо.

Они женаты более тридцати лет, но как будто только что познакомились.

— Оставишь меня на минутку с Крисом? — спрашивает отец.

— Конечно, — отвечает мама, прежде чем поцеловать его в губы и покинуть комнату.

Я снимаю белую рубашку и натягиваю футболку. Мы с отцом не особо разговаривали друг с другом с того момента, как он забрал меня от Лизы. Он был разочарован во мне, и я чувствовал то же самое по отношению к нему.

— У тебя всё в порядке? — спрашивает он, садясь за мой стол.

— Да, я всё ещё здесь, а значит, это прекрасный день, — произношу я беспечно.

Оба моих родителя скрывали от меня правду, но я возложил большую ответственность на отца. Мама хотела мне рассказать, но не сделала этого из-за него.

— ...Я знаю, что ты всё ещё злишься на меня, и понимаю, почему. Я только... особенно сейчас я не хочу, чтобы ты чувствовал себя одиноким. Знаю, ты не согласен с моим мнением и принятым решением, но надеюсь, что передумаешь и сможешь поговорить со мной. Худшее, что ты можешь сделать — это держать всё в себе.

Я смотрю на отца, в котором всегда видел своего героя, честного человека, чьё мнение я ценил и уважал. Люди всегда шутили, что моя семья была современной версией Кливеров, и они были недалеко от правды. Мои отношения с родителями всегда были отличными. Мне повезло, что из всех домов, где я мог оказаться, когда меня усыновили, я был благословлён попасть к ним.

— Я знаю, ты поступил так, потому что думал, что защищаешь меня. Мне это не нравится, но я, наверное, могу это понять, — я пожимаю плечами.

Папа выглядит удивлённым, но потом на его лице появляется улыбка. Он хватает с моего стола «Сникерс». Я так к ним пристрастился, что покупаю целые коробки у детей во время школьных благотворительных акций.

— Не ожидал, что ты так легко изменишь своё мнение, — говорит он с радостью.

Отец хватает другой батончик и бросает мне один.

— Вероятно, я бы не стал, если бы не Лорен, — признаю я, открывая шоколадку. Я замечаю, как он сжимает губы. — Подумал, что если она смогла понять и простить то, что ты сделал, то и я смогу.

Откусываю батончик.

— Мама сказала мне, что ваша встреча прошла удачно, — говорит он, откусив кусочек от своего.

— Ну, я бы не сказал, что мы с ней лучшие друзья или что-то в этом роде, но думаю, мы оба пытаемся найти выход получше из всей этой ситуации.

Я верчу в руках батончик и возвращаюсь мыслями к своему разговору с Лорен. Она была очень деликатна, сидя там и позволяя мне выговориться, несмотря на то, что это причиняло ей боль. Я вздыхаю, размышляя над всем этим.

— То, как она смотрела на меня, пап... — я колеблюсь, пытаюсь забыть, как её глаза

завладели моими и практически умоляли не отводить взгляд. — Она смотрела на меня так, как мама смотрит на тебя иногда.

Папа неловко ёрзает на стуле.

— И то, как она говорила о нём, о Кэле... — я вздыхаю, вспоминая, как загорелись её глаза, когда она поделилась теми вещами, которые, как я полагаю, заставили её влюбиться в него.

Я попытался вспомнить, смотрела ли Дженна когда-нибудь на меня так.

— Тебе нужно быть аккуратнее с ней, Крис, — заявляет отец, буквально вырывая меня из собственных мыслей.

— Что ты имеешь в виду? — вздыхаю я.

Поскольку весь секрет раскрыт, я действительно не хочу слышать его советы, но сегодня должен быть хороший день. Было бы неплохо, если бы мы смогли задуматься о счастливой нормальной семье, которой были до того, как всё это началось.

— Я хочу сказать, что ситуация очень сложная, и думаю, было бы лучше, если бы всё осталось на как можно более простом уровне, — отвечает он.

Отец смотрит мне прямо в глаза тем же взглядом, который использовал, когда я был маленьким, прежде чем взять меня в магазин и сказать, что мне можно взять только одну вещь и не более того.

— Лорен только что узнала о тебе. Ей понадобится больше, чем несколько дней, чтобы по-настоящему понять, что ты не тот человек, которого она знает, и...

Я поднимаю руку, чтобы остановить его.

— Пап, мы поняли друг друга. Я уверен, что ей тяжело, но в данный момент для неё главное — её дочь. Всё остальное сейчас совершенно не имеет значения, — говорю я, вставая.

Отец сжимает губы и хмурится. Он недоволен. Знаю, ему хочется сказать больше, но его взгляд натывается на фотографию Кэйлен на моём столе.

— Твоя мама в восторге от неё. Только о ней и говорит, — произносит он.

Через мгновение отец опирается головой на руку, и мы уже оба смотрим на новое поколение семьи Скотт. Впервые за последние два дня из дома исчезли гнев и напряжение.

— Кто бы подумал? Я? Дедушка? — он широко улыбается и в этот момент совершенно не походит на того строгого и жёсткого человека, к которому я привык, но снова предстаёт моим отцом. Человеком, который тренировал мою младшую лигу, который был любимым соседом каждого и моим лучшим другом. Это тот человек, с которым я хочу познакомить Кэйлен, мою дочь; даже если именно тот мужчина, что создал её, отца и оттолкнул.

— Она уже давно там, на улице. Может, мне стоит пойти и пригласить её? — говорит мама, выглядывая в окно в десятый раз с тех пор, как Лорен подъехала.

— Позволь ей самой определиться. Должна быть причина, почему она ещё не пришла. Мы же не хотим застать девушку врасплох, — спокойно говорит отец, читая свою газету.

Мама подходит к нему и заглядывает ему через плечо. Затем шутливо толкает его.

— Уильям Скотт, ты можешь вести себя так спокойно, как хочешь. Но ты читаешь одну и ту же страницу газеты уже полчаса, — дразнит она его.

Отец закатывает глаза, отмахиваясь от мамы, но на его лице появляется улыбка.

— Не могу поверить, что они тут. Моя внучка здесь! — поёт мама, подбегая ко мне и крепко обнимая.

Я не могу не засмеяться. Она давно не была такой взволнованной.

— Не могу дождаться. Не могу дождаться, — пропевает она, снова выглядывая в окно.

Отец поднимается и хлопает меня по спине.

— Ты в порядке, сынок? — спрашивает он обеспокоенным, но бодрым голосом.

После появления на нашем пороге Лорен настроение в доме полностью изменилось.

— Да, — пишу я, не узнавая собственный голос, мне будто двенадцать.

Я смеюсь, потирая шею. Шучу над мамой, хотя сам взволнован так же, как и она, а нервничаю в сотню раз больше, но мне удаётся удерживать себя от метания по комнате. Отец поднимает бровь при взгляде на меня. Затем подходит к маме и обхватывает её за плечи.

— Она выходит из машины! — взволнованно объявляет та.

— Дорогая, думаю, нам с тобой стоит пойти на кухню, — говорит он, беря её за руку.

Мама оборачивается, на её лице читается замешательство.

— Зачем нам это делать? Они вот-вот войдут, — проговаривает она, указывая в сторону окна.

— Знаю. Просто мне кажется, что мы должны сначала дать им пару минут побыть наедине. Это очень личный момент, — сообщает он маме, которая, по-моему, обиделась.

— Но... но я бабушка, — заявляет она.

— Конечно, ты, и я знаю, что ты готова нянчить и баловать эту маленькую девочку от всего сердца, но давай дадим Крису немного времени. Позволим ему встретиться с... его дочерью первым, — спокойно говорит папа.

Мама выглядит разочарованной, но она вздыхает, и на её лице снова появляется небольшая улыбка.

— Вот почему я люблю твоего отца, Крис. Когда я теряю над собой контроль, он рядом и возвращает меня обратно на землю, — говорит она и целует папу в щёку. — Мы просто побудем в дальней комнате, — говорит она, а потом крепко обнимает меня.

— Я постараюсь недолго, мам, — обещаю я, сжимая её.

Мама нежно хлопает меня по руке, и они с папой выскальзывают из комнаты. Я делаю глубокий вдох и открываю дверь в абсолютно новый этап моей жизни. Спускаюсь с крыльца с таким ощущением, будто каждая нога весит тысячу фунтов. Моё сердце начинает биться быстрее, когда я вижу, как быстрыми и беспорядочными шажками идёт моя малышка. У неё вьющиеся каштановые волосы, разделённые на два крохотных хвостика, и большие зелёные глаза. Она как живая кукла, и я никогда в жизни не хотел обнять никого сильнее.

Это правда? Это моя дочь? Я сжимаю в руке пингвина, которого купил для неё, когда она и её мама оказываются на тротуаре. В глазах Лорен стоят слёзы, она широко улыбается плотно сжатыми губами.

— Привет, — говорит она высоким и слегка дрожащим голосом.

Её голос такой нервный, как я сам, но выглядит она потрясающе. Волосы убраны в низкий хвост, кожа выглядит упругой, а глаза уже не опухшие. Солнечный свет отражается от её глаз, заставляя их сиять.

— Привет, — отвечаю я, мой собственный голос немного дрожит.

Лорен отпускает руку Кэйлен, и та направляется ко мне. Моя дочь смотрит на меня с той же притягательной силой, которой обладает и её мама. Она улыбается, и я просто влюбляюсь.

Малышка тянется к пингвину в моих руках, и я понимаю, что она очарована игрушкой, а не мной. Я даже немного начинаю ревновать.

— М-м-м, дочь моего друга любит пингвинов из мультфильма «Мадагаскар». Подумал, что и ей понравится, — я поднимаю взгляд на Лорен.

— Она постоянно смотрит этот мультфильм, — отвечает девушка.

— Я рад, что сделал правильный выбор, — сажусь на корточки и оказываюсь почти на уровне глаз Кэйлен. — Я подумал, что это может тебе понравиться, — говорю я, протягивая ей плюшевую игрушку.

— Пипи! — взволнованно произносит Кэйлен, вынимая пингвина из моей руки и засовывая

его себе в рот.

Она так похожа на меня на моих детских фотографиях. Этот маленький человечек мой, и он прямо передо мной. Ощущение, что существует кто-то, кому передались мои гены, с кем я связан кровью. Я никогда раньше не делился подобным ни с кем.

— Я Крис, Кэйлен, — произношу я с улыбкой, смахнув ресницами горячую влагу с глаз...

А улыбка Кэйлен вновь вызывает слёзы. Я быстро вытираю их. Лорен подходит поближе. Она мягко прикасается к моему плечу, и Кэйлен трогает меня за лицо, хихикая. Я смеюсь.

— Кэйлен. Это твой папочка, — слова Лорен звучат будто из ниоткуда.

Я в жизни не был так благодарен что-либо услышать.

— Спасибо, Лорен.

Надеюсь, она сможет понять, что я искренен. Я благодарен, что Лорен привела эту маленькую девочку в мою жизнь. Она защищала её и делала это сама, без какой-либо помощи с моей стороны. Впервые я надеюсь, что видение прошлой ночи было не просто сном, и те слова, что он сказал ей, были настоящими. Я надеюсь, что Кэл и Лорен любили друг друга. И больше всего на свете я надеюсь, что Кэйлен появилась благодаря их любви. На секунду у меня сильно сдавливает голову, но на этот раз всё проходит. Я избавляюсь от этого ощущения и смотрю на Лорен, чьи глаза широко распахнуты, а тело совершенно неподвижно.

— Лорен, — произношу я, слегка повысив голос.

Она выглядит так, будто увидела привидение. Через секунду девушка приходит в себя. Лорен вздыхает и приближается ко мне. Она подносит к моей щеке руку, мягкую, тёплую и, на удивление, успокаивающую, но блеск в этих больших карих глазах заставляет меня нервничать.

— Всё в порядке? — спрашиваю я её, и она кивает, убирая руку.

Мне хочется сказать ей, что всё будет хорошо. Для нашей дочери я буду самым лучшим отцом. Мне не вычеркнуть боль, скрывающуюся в её глазах, но я сделаю всё, что в моих силах, чтобы убедить её в том, что я никогда не причиню ей такого вреда. Я не могу быть тем, кем она хочет меня видеть, но стану лучшим человеком, каким только смогу. На это я способен...

Глава 8

Проходит не больше двух минут, прежде чем моя мама выскакивает из дома на крыльцо. Она обнимает сначала меня, потом Лорен, хватая Кэйлен на руки и ведёт нас в дом. Затем звонит мой телефон.

Это Декстер. Я чувствую, как начинает повышаться давление от одного только взгляда на его имя. Я звонил ему тысячу раз, и *теперь* он решил перезвонить. Быстро извинившись, выхожу из комнаты на переднее крыльцо. Крепко хватаю телефон рукой и поглубже вздыхаю, прежде чем ответить.

— Крис, я полагаю? — говорит он слегка забавляющимся тоном, из-за чего во мне возникает желание сразу же положить трубку.

— Очень смешно, Декстер, — отвечаю я жёстко, пытаюсь сохранить самообладание.

— Думаю, пришло нам время немного поболтать. Не так ли?

— По-моему, давно пора, — произношу я в ответ.

К дому подъезжает лимузин Декстера. Он опускает стекло и демонстрирует широкую радостную улыбку.

— Ты выбрал отличное время, чтобы появиться. Хочешь зайти выпить? — спрашиваю я с сарказмом.

— Это необязательно, — говорит он, открывая мне дверь, я неохотно сажусь и чувствую, как машина отъезжает. — Итак. Тайное стало явным, как говорится? — спрашивает парень, закрыв

ноутбук. — Могу представить, каким свободным ты себя, должно быть, чувствуешь. Мне самому кажется, что с моих плеч упал груз, — Декс делает глоток из своей бутылки с водой. — Ты же знаешь, я не из тех, кому нравится хранить секреты, — усмехается он.

Мне хочется выбить из него весь сарказм.

— Ты какой-то тихий. Хотя звонил мне миллион раз. Я думал, у тебя тысяча вопросов ко мне, — говорит он, откинувшись на сидении.

Я стараюсь быть разумным и спокойным. Декстер, скорее всего, знает обо мне или о том парне, Кэле, больше, чем мои родители. Конечно, они с Кэлом были близки, оба сволочи, а сволочи обычно ладят друг с другом.

— Ты помог ему сделать это, — говорю я, сжимая руки, чтобы не сдавить ими его шею.

Декс ухмыляется.

— Что именно сделать? — проговаривает он, строя невинное лицо.

— Украсть, разрушить и забрать мою жизнь. Всё это ни о чём не говорит? — отвечаю я, не скрывая злобы.

Парень только ухмыляется.

— Я оказал тебе большую услугу, Кристофер. Без моей помощи ты бы проснулся в тюрьме и даже не вспомнил, что сделал, — возражает он.

— Что это значит? — спрашиваю я гневно.

— Скажем так, прежде чем Кэл попал под моё руководство, он принимал не самые разумные решения, — произносит он, наливая себе стакан что-то похожее на виски.

— Хочешь сказать, что я преступник? — спрашиваю его с нажимом.

— Я бы так не говорил. Думаю, это и не в твоих интересах, — говорит Декс небрежно, прежде чем сделать глоток коричневой жидкости из своего стакана.

Я обхватываю голову руками. *«Что, чёрт возьми, сделал этот Кэл?»* Он что-то наворотил, а Декстер знает об этом и шантажирует меня.

— Что он натворил?!

— Расслабься, Кристофер. Он никому не причинил вреда. Он просто умел взять то, чем твоя жизнь не обеспечила его в достаточной мере, — говорит парень с намёком.

— Нет более серьёзных тем для разговора?

— Например, у тебя, мой друг, есть дочь, красивая жена, процветающая карьера в моей компании, когда бы ты ни решил принять её. Кэл довольно хорошо справлялся со своей работой.

Меня затошнило от того, как он говорил обо всём этом. Словно это было самым обычным делом.

— Для начала, ты не мне оказал услугу. Давай всё проясним. Ты помог ему разрушить мою жизнь. Он лишил меня права выбора. Я тебе ничего не должен! Можешь взять свою работу и засунуть её...

— Я бы посоветовал тебе подумать получше, прежде чем ты продолжишь, Крис, — говорит Декс, из его манеры поведения пропало веселье, а тон похолодел. — Я здесь не для того, чтобы слушать твои словесные истерики. Поскольку я сегодня добрый, вместо того, чтобы закончить эту встречу и оставить тебя таким же неосведомлённым о происходящем, каким ты сел в эту машину, я просто объясню тебе, что ты совсем неправильно используешь время, которое я тебе выделил, — он проверяет часы. — И из которого у тебя осталось около пяти минут.

— Почему он существует? — произношу я подчёркнуто.

— Это более подходящий вопрос для твоего психиатра, — отвечает он, и его самодовольная ухмылка появляется вновь.

— Чем он занимался в твоей компании? — спрашиваю я напряжённо.

— Соглашение о конфиденциальности, — парирует Декс, и я понимаю, что он здесь не для

того, чтобы помочь мне.

Он думает, что это всё игра.

— Которое он подписал поддельным именем, — выкрикиваю я.

— Могу тебя заверить, все документы носят законный характер, — говорит он с вкрадчивой улыбкой на лице, потирая теперь уже пустой стакан в руках. — А также тебе полезно будет знать, что свидетельство о браке, подписанное им, тоже не было поддельным, — спокойно отвечает Декс.

Я несколько раз глубоко вздыхаю и смотрю на человека, которого более десяти лет назад считал самым близким другом, старшим братом. Теперь я даже не могу назвать его случайным знакомым.

— Зачем ты ему помог? — спрашиваю я.

— Потому что это всё только для твоего блага, — отвечает он просто.

Я наклоняюсь вперёд, чтобы убедиться, что до него дойдёт то, что я собираюсь сказать.

— Кэл, может, и не знает тебя, но я знаю. Ты не делаешь ничего, что не входило бы в твои собственные интересы, — цежу я сквозь стиснутые зубы.

Декс вздыхает.

— Ты встретился сегодня с Лорен, не так ли? Она совершенно потрясающая, верно? — спрашивает он, и я чувствую, как прищуриваюсь. — Тебе не кажется, что было бы проще вернуться к жизни Кэла? Очаровательная жена, прелестный ребёнок, отличная квартира в одном из моих зданий, — смеётся парень, наливая себе выпить.

— Это не моя жизнь, Декс! Что тут непонятно?

Декс на мгновение отводит от меня взгляд. А затем снова решительно смотрит на меня.

— Ты не можешь жениться на Дженне, — произносит он резко, и я выпучиваю глаза.

— Я женюсь на Дженне, — говорю я с нажимом, недоверчиво улыбнувшись.

Тот факт, что Дженна не отвечает на мои звонки и даже не разговаривает со мной, делает этот вопрос спорным, но он-то этого не знает.

— Кэл не воспримет это всерьёз, — говорит он с самоуверенной ухмылкой на лице, забавляясь. Его всё это веселит.

— Ты думаешь, меня волнует, к чему он отнесётся серьёзно? Что меня вообще волнует, чего он хочет?! — спрашиваю я со злостью.

Декс кивает.

— По-твоему, я *рад* тому, насколько разрушена сейчас моя жизнь?! — кричу я.

— Ты сейчас здесь, — спокойно отвечает он.

— Верно. Я здесь. А его нет. И мне плевать, что он думает. Он оставил меня здесь разбираться с его бардаком, — говорю я с недоверием.

Как он может смотреть на меня с каменным лицом и говорить, что этот debil не станет воспринимать мои действия всерьёз?

— Что будет, если это изменится? — произносит он небрежно, и внутри у меня всё опускается. — *В данный момент* ты здесь. Думаешь, Кэл хорошо отреагирует, если ты оставишь женщину, которую он любит, и его ребёнка, чтобы жениться на другой, которую он терпеть не может? — резко смеётся он.

Это то, чего я боюсь, причина, по которой я не появился у Дженны дома и не умолял её простить меня. И я действительно не знаю, на что способен этот человек, но мне не нужно, чтобы Декстер знал о моих опасениях.

— Я позабочусь о Кэйлен не из-за того, что этого хочет он, а потому, что это правильно, потому что у нас общая ДНК, — заявляю я. — И откуда ты знаешь, что он не выносит Дженну? — спрашиваю я потрясённо.

Декс ещё раз глубоко вздыхает и наливает себе ещё выпивки.

— Мы с тобой не так близки, как раньше. Когда мы повзрослели, наши мотивы, по-видимому, разошлись на разные концы спектра, но...

Ага, он вырос самодовольным придурком, а я нет.

— ... Я действительно уважаю тебя, Крис. Твои принципы, твои нравственные устои, кодекс этических норм, по которому ты живёшь, — говорит он, сделав ещё глоток из стакана.

— Раньше у тебя был такой же кодекс, — я смотрю ему прямо в глаза.

Парень вздрагивает, но самодовольная ухмылка быстро возвращается на его лицо.

— Именно *поэтому* Кэл диктует правила и всегда будет угрозой.

Я раздражённо вздыхаю и сжимаю руки.

— Я его не боюсь. Он не пугает меня и не сможет запугать. Я могу причинить ему столько же вреда, сколько и он мне, и я сделаю всё, что в моих силах, чтобы полностью от него избавиться. Это ему недолго осталось, а не мне, — говорю я напряжённо.

Декстер нажимает на кнопку в машине.

— Дэниэл, ты можешь вернуться к дому мистера Скотта. Спасибо, — произносит он. — Пока вы оба считаете себя противниками, тяжелее будет всем, — говорит Декс тихо и серьёзно, и на секунду я верю, что его действительно волнует, как это отразится на всех, кроме него самого.

— Значит, это всё. Сколько ты знаешь этого парня? Пару лет? Я твой племянник. Разве ты не должен быть на моей стороне? — сейчас я уже хватаюсь за соломинку.

Я точно знаю, что Крестфилды чрезвычайно высоко ценят семейные узы. Наши с Декстером отцы много лет не общались, пока не проявилась моя болезнь, и когда мой папа пришёл к своему отчиму, тот не пожалел ни средств, ни расходов.

— Формально, он тоже, — усмехается Декстер, и я стискиваю зубы. Тогда его широкая маниакальная улыбка исчезает. — Мы с тобой уже давно не чувствовали себя семьёй, — проговаривает он.

На секунду мне кажется, что он искренен, пока его самодовольная улыбочка не появляется вновь.

— К чему был этот небольшой визит? Он хотел, чтобы ты попытался запугать меня вместо него? Потому что это всё, что я получил от встречи, — я раздражённо смеюсь.

— Мы ещё поговорим, — отвечает Декс, и я чувствую, как машина останавливается.

Зря потраченное время.

Я выхожу из машины, еле сдерживаясь, чтобы не хлопнуть дверью. Сделав пару шагов, слышу, как Декстер опускает окно.

— Кстати, насчёт идеи, чтобы ты оценил жизнь Кэла. Она моя. Не его, — говорит парень и уезжает.